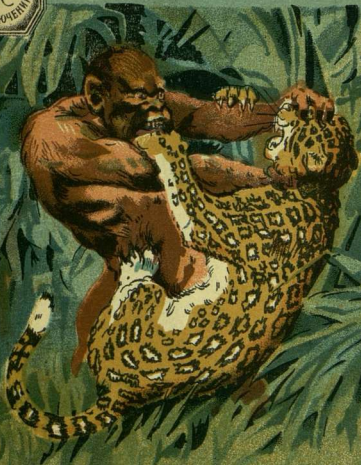

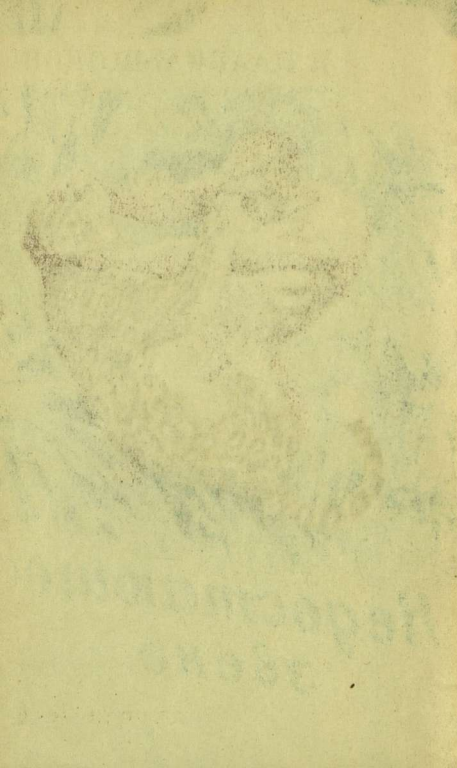

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

Недостающее звено

ДЕТГИЗ 1945

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Рисунки Г. Никольского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

9186

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

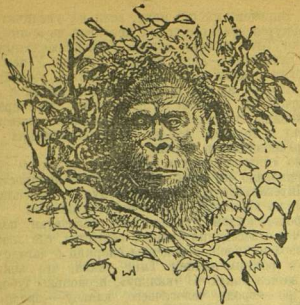
681769 кх-регк

Российская государственная
детская библиотека

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *М. Поступальская*. Технич. редактор *Г. Левина*.
Подписано к печати 11/XII 1944 г. Тираж 45 000 экз. 3³/₄ печ. л.
(3,45 уч.-изд. л.). 38 880 ан. в печ. л. А12916. Заказ № 6174. Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

Горшок гвоздики стоял на окне пятого этажа. На перилах балкона третьего этажа дремала голубая персидская кошка.

Тинг, выглядывая в окно, столкнул горшок. Падая, горшок задел кошку, а та спросонок прыгнула и упала на мостовую.

Кошка к вечеру умерла. Хозяйка кошки, жена домовладельца, плакала. Домовладелец сказал Тингу всего одно слово:

— Выезжайте!

Пришлось искать новую квартиру. Тинг нашел ее на соседней улице.

На окнах кабинета Тинг расставил гвоздики — любимые цветы. В шкафах разместил свои коллекции. Он коллекционировал бабочек, раковины и марки.

Бабочки у него были: гигантские орнитоптеры, летающие в лесах Индонезии и Австралии, и крохотные моли. Орнитоптеры привлекали его величиной и благородной окраской, в которой черный бархат смешивался с золотом и изумрудами. Моли ему нравились по другой причине: расправить тончайшие крылья этих крошек было очень

трудно. Впрочем, многие моли, если их увеличить в сто раз, окажутся красивее самой красивой из орнитофтер.

Марки Тинг собирал только с изображениями животных, а раковины — лишь из рода ужуков. У него лежали в коробках тысячи пятнистых раковин ужуки тигровой, и ни одна из них не была вполне схожа с другими.

Вечерами он смотрел на орнитофтер, перебирал гладкие раковины, листал атласы с рисунками улиток и разыскивал в толстых трудах энтомологических обществ новые разновидности молей.

Слово «питекантропус», мелькнув курсивом среди пети, привлекло его своей торжественной звучностью.

— Питекантропус... Питекантропус... — задекламировал он, ходя по кабинету. — Прелестное название!

В зоологическом журнале был напечатан подробнейший отчет о заседании ученого общества, где знаменитые профессора и молодые доценты спорили о загадочном существе с громким именем. Тинг узнал, что некий врач Дюбуа нашел какую-то «кальву», несколько зубов и бедро. Бедро — вроде человеческого, кальву — вроде обезьяньей. Назвал все это «питекантропусом» и заявил, что им открыта переходная форма — «обезьяночеловек». Находка была сделана на острове Ява.

Торжественное «питекантропус» оказалось неуклюжим «обезьяночеловеком». Тинг разочаровался, но Ява... На Яве есть орнитофтеры, и на некоторых яванских марках изображены животные. Поэтому Тинг прочитал весь отчет, а прочитав, вспомнил: этажом ниже на двери есть карточка: «Доктор Эжен Дюбуа». Уж не он ли?

— Профессор Дюбуа прожил несколько лет на Яве, — обрадовал портье Тинга.

Соседи познакомились.

У Дюбуа оказалась только одна затрепанная яванская марка, и он не мог ничего рассказать об орнитофтерах.

Он говорил лишь о питекантропусе. Все его время, все его мысли были заняты обезьяночеловеком. День за днем, месяц за месяцем, год за годом он возился с крышкой черепа — загадочная «кальва» оказалась именно ею, — выскабливая из нее окаменелую массу. Острым и тонким сверлом бор-машины он осторожно водил по этой массе, заполнявшей крышку, словно чудовищная пломба, и отделял от нее мельчайшие крупинки. Дюбуа никому не доверял своей драгоценности и хранил ее у себя в негромаемом шкафу.

Тинга не удивило увлечение Дюбуа: он хорошо знал,

что такое любовь и азарт коллекционера. Затаив дыхание, с глазами, налившимися от напряжения кровью и слезами, Дюбуа прикоснулся сверлом к окаменелой массе, отделяя от нее крохотные частицы. Затаив дыхание, с остановившимся взором Тинг судорожно сжатыми пальцами вонзал иглу в крохотное крылышко моли, отводя его от туловища. Разве это не одно и то же?

Поразило Тинга другое: находка Дюбуа была предсказана. Предсказание сбылось!

Название «питекантропус» придумал не Дюбуа, его дал Геккель. Еще Дарвин указал, что человек произошел от обезьяноподобных предков. Геккель хотел нарисовать родословное древо человека, но у этого древа оказалось лишь основание — обезьяна и вершина — человек. Середина пустовала, и заполнить эту пустоту было нечем: наука еще не знала тогда животного, промежуточного между обезьяной и человеком. Но ведь обезьяна не могла сразу превратиться в человека, когда-то на земле жили переходные формы. Геккель был убежден в этом и дал название животному, промежуточному между человеком и похжей на гиббона обезьяной. Он никогда не видел этого животного и назвал его заранее обезьяночеловеком, «питекантропусом». Он был уверен: «Его найдут. Нужно лишь время».

Дюбуа был увлечен этим предсказанием. Он поверил Геккелю: питекантропус жил на земле, жил!

— Я решил искать предсказанное недостающее звено родословной человека. Родина современных гиббонов — Зондские острова. Я добился назначения на Суматру и в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году уехал туда. Искал, но ничего не нашел: там не удалось обнаружить древние геологические слои. В тысяча восемьсот девяностом году я переехал на Яву. Прошел всего один год, и я нашел. Он словно дожидался меня там, этот обезьяночеловек! По реке Бенгавану, в Триниле... Стоило лишь поднять верхние слои почвы...

Строение бедра показывает, что он ходил на двух ногах, поэтому я назвал его «эректус» — прямоходящий. Конечно, он ходил хуже, гораздо хуже нас, но все же ходил.

Вот только... — вздыхал Дюбуа, — я нашел слишком мало остатков! Крышка черепа, бедро и два зуба... Далеко в стороне от места моих раскопок годом раньше я нашел обломок нижней челюсти. Другие после меня нашли всего

один зуб. И это всё! Если бы найти побольше, хотя бы половину черепа.

Около сорока лет прошло с тех пор. Я был моложе вас, Тинг, и вот — я старик. А новых костей нет и нет...

Дюбуа мог говорить часами. Тинг, пораженный случившимся предсказанием, уже не думал о бабочках и марках, слушая его.

— Питекантроп, которого я нашёл, — продолжал Дюбуа, — погиб при извержении вулкана. Потоки ила и пепла покрыли поверхность и похоронили животных и растения. Так случается на Яве и в наши дни. В слоях — пепел разных цветов, туф, пемза. Они перемешаны с прослойками глины. Позже вода размывала эти слои и унесла часть костей. Поэтому я и нашёл не весь скелет, а только части его — питекантроп погиб где-то в другом месте. К Тринию его принесло водой. Где-то в земле лежат остальные кости этого скелета, лежат и другие скелеты. Они есть! Ведь нашёл же я...

Тинг наслушался о питекантропе столько, что загадочное существо стало для него чем-то вроде старого приятеля. Нередко случалось, что он думал об обезьяночеловеке, перебирая раковины у себя в кабинете. Он даже называл его теперь просто «питеком».

— Не играйте наруку врагам обезьяночеловека, — упрекал его Дюбуа; — «питек» означает всего лишь «обезьяна».

— Ничего! — отвечал Тинг. — «Питекантропус» звучно, но очень тяжело и длинно для каждого дня. «Питек» — короче и ласковее.

Теперь Тинг огорчался не меньше Дюбуа тем, что в шкафу лежит всего несколько костей питека. Ему хотелось видеть полный скелет питека!

Это очень соблазняло Тинга. На Яве есть орнитоптеры — соблази удваивался. Моли живут везде, а яванские изучены очень плохо. Конечно, он найдет новые разновидности!

«Поеду на Яву?» спросил себя Тинг, глядя на яванскую орнитоптеру «Помнея» и представляя ее себе в воздухе, там, на Яве.

— Черный бархат с желтым атласом!

Это оказалось не так просто.

Малайский кампонг¹ зеленел бананами и курчавыми мангустанами, хлебными деревьями и пальмами. Солнце

¹ Кампонг — малайская деревня.

быстро выскакивало на небо утром и еще быстрее ныряло за горизонт вечером. Ливень вставал водяной стеной среди дня. Летучие собаки — калонги — кружились возле деревьев в ночной темноте.

Все было, как и полагается, в яванской глуши, куда забрался Тинг.

Мутная вода сонной реки текла среди отмелей и наносов. На отмелях чутко дремали огромные крокодилы. В наносах рыли ямы малайцы, терпеливо поднимая пласт за пластом. За землекопами присматривал Яа, рекомендованный Тингу как опытный человек.

Было все, кроме одного: костей питека.

Дюбуа сделал Тингу множество указаний и наставлений, где и как искать.

— Ищите тринильские слои! Это слои, образовавшиеся в то же время, что и в Триниле, слои определенного возраста. Они отложились как раз в те времена, когда на Яве жили питеки. В таких слоях и нужно искать.

Слушая Дюбуа, Тинг как будто все понимал. Здесь же, на яванской реке, он почувствовал себя школьником, не выучившим урока.

Как узнать эти тринильские слои? Глина сменялась песком, а песок — снова глиной, но уже другого оттенка. Появлялись прослойки какого-то затвердевшего ила. Был тоненький слой рыхлого туфового песчаника. Но не было сине-серой глины, а именно на ней лежал тот тринильский слой, в котором Дюбуа нашел кости питека.

Тинг особенно рассчитывал на этот сине-серый слой: его легко узнать по окраске.

— Ищи синеватую глину! Над ней и будет то, что мне нужно, — твердил он Яа.

Ему не приходило в голову, что сине-серой глины может и не оказаться, что совсем не в ней скрыта удача.

Землекопы рыли в разных местах. Наносы покрывались глубокими пробными ямами, ямы превращались в прудики, кишевшие комариными личинками. Вечерами, стуча зубами от лихорадки, Тинг слушал, как в этих прудиках голоса лягушки.

«Питек... питек...» чудилось ему в их крике.

Дни шли. Тинг не находил тех слоев, где могли лежать остатки питекантропа.

Питекантропы жили в конце третичного и в самом начале четвертичного периода. Узнать слои отложений тех времен можно по остаткам животных и растений. Дюбуа показывал Тингу множество разнообразных костей и чере-

пов: слонов, носорогов, бегемотов, дикобразов, оленей. Тинг разглядывал их, стараясь запомнить. Рисунки и описания этих костей он привез с собой.

За два месяца Тинг добыл всего два каких-то обломка. Сам Дюбуа не сказал бы, что это такое.

Кости питека прятались от Тинга. Прятались от него и орнитоптеры: он поймал лишь пяток, да и то не первого сорта. Одни моли не подвели: Тинг наловил их уже несколько тысяч.

Сидя на складном стуле и глядя на потные спины землекопов, Тинг вспомнил разговор с Дюбуа. Экспедиция Зеленки также искала остатки питекантропа. Было вынута десять тысяч кубических метров земли, а нашли всего один зуб. Правда, экспедиция добыла множество костей животных — современников питека.

— Десять тысяч кубических метров! — Тинг только теперь понял значение этой цифры и похолодел на солнечном припеке. — Что мои ямы? Я еще и не начинал!

— Им просто не повезло, — успокоился он через минуту.

Неудачи и лихорадка сказывались: настроение Тинга менялось по многу раз в день.

— Синяя глина! — На ладони Яа лежал сине-серый комоч. — Синяя глина!

Тинг спустился на дно карьера. Расплывчатые желто-бурые, буро-желтые и белесые слои заканчивались внизу синева́той полоской.

— Она! — Сердце стукнуло. Тингу показалось, что он уже держит в руках череп питека. — Наконец-то!

Землекопы снимали пласт за пластом, подбираясь к узкой синева́той полоске. В этой работе прошло несколько дней. Тинг не отходил от карьера.

Слой синей глины был обнажен. Он оказался тончайшей прослойкой.

— Здесь нет и десяти сантиметров! — Тинг растерянно глядел на глину.

Он забыл, что ему нужен слой, лежащий на синей глине. Ему казалось теперь, что все дело в толщине сине-серого слоя: от тонкого слоя ждать нечего.

— Синяя глина! — твердил Яа. — Вот она! Ты велел искать, и я нашел.

Тинг плюнул и ушел домой.

— Синяя глина! — услышал он в кампونغе. — Синяя глина!

Все знали о синей глине, которую искал и не находил Тинг. Камнонг услышал о находке и радовался удаче Яа.

— Синяя глина! — слышал Тинг сквозь стены своего жилья.

— Питек! Питек! — пищал комар, забившийся под полог кровати.

Насмешливо щурился череп носорога со страницы развернутой книги. «На черепе носорога никогда не бывает рога», вспомнилась Тингу школьная шутка. Он захлопнул книгу и, запив глотком хинной настойки облатку хинина, выглянул наружу.

Китаец-лавочник в синей кофте улыбнулся ему, сверкнув синими очками.

— Проклятье! — Тинг схватил сачок для бабочек и выбежал на улицу.

В лесу он раздавил несколько молей и отшиб сачком хвостик красно-черному махаону. Руки дрожали, в глазах мелькала синяя полоска: она расширялась и сужалась, словно мигая. Рот был полон горечью хинина и неудачи, в ушах звенело от хинина и возгласов: «Синяя глина!», сердце противно ныло.

Бродя по лесу, Тинг искал орнитоптеру. Красавицы бабочки не было, и еще горче становилось во рту, сильнее звенело в ушах.

Очень хотелось пить. Бледножелтая ягода лопнула на пересохших губах, и сладковато-кислый сок чуть связал язык. Забыв о бабочке, Тинг принялся шарить в кустах.

Сидя на поваленном стволе, он брал из горсти ягоду за ягодой. Давил их языком, выплевывая кожицу и семечки.

— Пининь! — пискнула какая-то птица вблизи него.

— Дразнишь? — усмехнулся Тинг. — Дразни... Я еще найду его, питека.

Вдруг он вспомнил:

«Синяя глина... Да ведь она должна быть внизу, не в ней кости, а над ней».

Тинг вскочил. Сердце билось быстро и радостно, в ушах весело шумела кровь.

Он зашагал меж деревьев, отшвыривая гнилушки и отталкивая цепкие стебли лиан. Размахивал сачком и напевал: «На черепе носорога никогда не бывает рога».

Заметив просвет, Тинг заспешил к нему. Издали увидел желто-черные крылья орнитоптеры и побежал.

Спугнутая бабочка полетела вдоль края поляны, высоко взлетая над кустами, спускаясь над луговинками. Тинг

бежал за ней, прыгая через поваленные стволы и громко хохоча.

— Догоню! — закричал он ей. Споткнулся о пенек и упал, хлопнув сачком по земле.

Тинг чихнул и открыл глаза. Огромная бабочка порхала у его лица.

— Орнитоптера! Золотисто-зеленые крылья с ярко-красными хвостиками, на голове словно золотая шапочка... Я не знаю такой, значит это новый вид.

Тинг не удивился и не почувствовал желания поймать бабочку. Она только забавляла его.

Орнитоптера опустилась, и Тинг снова чихнул.

— Вот щекотунья!

Вытянув нижнюю губу, Тинг дунул на бабочку, которой так хотелось усестись на его носу.

Бабочка, чуть взмахивая крыльями, поднялась, но не улетела; она поднималась и опускалась: человек и бабочка словно играли.

Тинг дунул изо всех сил. Струя воздуха отшвырнула бабочку в сторону, и лежащий на спине Тинг потерял ее из виду. Тогда он повернулся набок и увидел слоненка.

Совсем молоденький слон стоял возле раскидистой пальмы, жевал траву и размахивал коротким хвостом. И снова Тинг не удивился. Он взглянул на слоненка так же спокойно, как минуту назад глядел на орнитоптеру.

Тинг лежал на опушке, под деревом. Манго и мангустаны, баобабы и фиговые деревья протянули ветви к солнцу и, как навесом, прикрыли ближние кусты опушки и траву. Толстые стволы расамал башнями поднимались ввысь, чтобы там, над деревьями, одеться маленькой кроной из редких ветвей.

Яркие кружочки пестрели в траве и на листьях пальм: солнечные лучи пробивались сквозь вырезные листья фиговых деревьев. Кусты были покрыты желтыми цветами, и Тинг не сразу понял, где цветы, а где солнечные кружочки: так яркие были и те и другие. Дул ветерок, шевелились листья, и золотые кружки прыгали по траве, а желтые цветы качались. Тинг уже забыл о бабочке и не видел слоненка: его заняли прыгающие желтые кружки.

Слоненок потоптался возле пальмы и пошел вдоль опушки. Поглядывая по сторонам и хлопая ушами, он подходил все ближе и ближе к Тингу. Прошел так близко, что Тинг поджал ноги к животу: слоненок чуть не наступил на них.

И все же он не заметил Тинга: прошел мимо него, словно это был пенёк. Остановился в двух шагах и уставился на куст: над желтыми цветами кружились пчелы. Тинг перевернулся на другой бок и, поглядывая на слоненка, пополз. Он спрятался за толстым стволом дерева, возле которого лежал, и принялся считать желтые кружки, прыгавшие по слоненку.

Желтый кружок мелькнул в воздухе у самой головы слоненка. Еще раз, еще... Кружок упал на голову и разлетелся брызгами.

Тинг принял это как нечто вполне законное. Что ж, если кружки могут быть цветами, то почему им и не быть чем-то еще, плодами манго, например?

Спелый плод манго растекся по лбу слоненка. Он вздрогнул, оттопырил уши, взмахнул хоботом. Новый плод залепил ему глаз. Слоненок подскочил, замотал головой, повернулся... Сверху сыпались желтые манго, в воздухе мелькали желтые кружки, и все они падали возле слоненка.

Манго не просто падали, их кто-то бросал. Тинг видел дерево, но не видел на нем ни зверя, ни человека. Не видел его и слоненок, да он и не смотрел на дерево. Помотав головой, он поднял кверху хобот, изогнул его и принялся водить им по голове.

Тинг едва удержался от хохота — так забавно водил слоненок хоботом по лбу и щекам. Он словно работал пылесосом, вытягивая пыль из ковра. Собрав хоботом мякоть манго со лба, слоненок сунул ее в рот, пошевелил губами и подхватил хоботом манго с земли. Положил его в рот и потянулся за вторым.

Ударяясь о толстую кожу слоненка, плоды лопались, и переспевшая мякоть растекалась грязной пеной. При каждом ударе слоненок взмахивал хвостом, хлопал ушами, но быстро успокаивался и принимался жевать.

Тинг выполз из-за дерева. Теплый мягкий комочек растекался по его лицу.

Слоненок, смешно топоча, побежал по опушке. Тинг вытер лицо.

На дереве кто-то не то хрипло залаял, не то засмеялся. Меж листьев неясно мелькнула темная фигура, волосатая рука охватила толстую ветвь.

Рука взмахнула, возле головы Тинга брызгами разлетелся манго.

— Ху-ху-ху! — захрипело среди ветвей.

Тинг спрятался за стволом.

— Ху-ху-ху! — раздавалось всякий раз, как брошенный манго растекался по коре.

Тингу было все равно, злится или играет с ним эта скрывающаяся среди листьев обезьяна. Он встал и прижался к толстому стволу рядом с большой орхидеей. Грозди белых цветов качались у его глаз, мошки щекотали нос, а пчелы жужжали у самого уха. Сквозь сетку цветов он смотрел на дерево. Там среди ветвей что-то темнело.

Манго попал в орхидею. Грозди цветов хлестнули Тинга по щеке, пчела запуталась в волосах.

— Молодец! — не удержался Тинг.

— Ху-ху-ху! — отозвались ветви.

Тинг перебежал к соседнему дереву, ближе к обезьяне. Манго перестали падать, а ветви дерева сильно затряслись: обезьяна переменила место. Тинг сделал еще несколько шагов, и новое дерево ответило дрожанием ветвей: обезьяна уходила.

Теперь Тингу очень захотелось увидеть ее. Он спрятался за деревом и замер. Прошло несколько минут, и среди ветвей показалось волосатое лицо. Оно только выглянуло меж вырезных листьев, и Тинг не успел разглядеть его.

Кусочек коры у самого лица Тинга вдруг зашевелился. Показалась серая ящерка с пятнистым мраморным рисунком на спине, по окраске похожая на кору больше, чем сама кора. Тонкие пальцы с присосками на конце цепко держались за трещинки коры, а большие прозрачные глаза блестели, словно стеклянные.

— Не гиббон. Не марышка... Молодой оранг? Нет, не его лицо. Да и откуда здесь взяться орангу?.. Геккончик... Нет, не оранг. Подожду еще...

Ящерка исчезла: она перестала ползти и сразу сделалась невидимой. Зато появилась гусеница — сухой сучок вдруг изогнулся горбом, потом распластался, потом снова согнулся дугой.

— Гусеница пяденицы, — определил Тинг и отошел от дерева.

Лиана закачалась. Тинг взглянул и увидел толстый стебель, исчезающий в кроне дерева. Стебель раскачивался, словно канат, по которому только что кто-то спустился.

Стебель лианы качнулся сильнее, и сейчас же раздался жалобный крик.

— Уй-уй-уй! — хныкал кто-то на земле подле лианы, среди густых зарослей папоротников.

Согнувшись, почти на четвереньках, Тинг подкрался

к папоротникам. Встал на колени и пополз, осторожно раздвигая узорчатые листья-вайи.

Он боялся опоздать и боялся спугнуть. Сердце стучало, в ушах шумело. Тинг задыхался: от влажной земли поднимался пар, гниющие листья и папоротники удушливо пахли.

— Уй-уй-уй! — звучало совсем близко, но зеленая стена была плотна. Тинг ничего не видел впереди, кроме этой зелени, светлой и темной, смешанной с ржавым и бурым и пестревшей красными пятнами верхушек еще неразвернувшихся вайи.

— Еще... еще... — подгонял себя Тинг, раздвигая вайи и подминая коленями гибкие молодые побеги.

Подняв голову, Тинг увидел почти над собой стебель лианы. Вперемежку с хныканьем слышалось сопенье и чавканье. Он слышал, но попрежнему ничего не видел.

Ползти на четвереньках дальше было страшно: хныкающее существо совсем рядом. Тинг вытянулся на влажной земле и пополз под вайями. Хватаясь вытянутыми руками за корневища папоротников, он потихоньку подтягивался к ним и медленно продвигался вперед.

— Уууууу, уууй! — раздалось сбоку.

Тинг скрипнул зубами: он ошибся, взял в сторону и прополз мимо.

Повернуться было трудно. Тинг отполз назад, подобрал под себя правую руку, уложил вдоль бока левую. Подпираясь правой рукой, повернул немного туловище и поджал ноги.

Он провозился минут пять, то съезживаясь в комок, то вытягиваясь, и наконец повернулся.

Тинг задыхался. Ему хотелось открыть рот и дышать часто и глубоко, но громко вздохнуть нельзя: спугнешь. Сжавшись в комок, уткнувшись лицом в колени, он старался отдышаться.

Отдохнув, Тинг вытянул руки, ухватился за толстое корневище и сразу продвинулся вперед. В сети узорчатых листьев и гибких стеблей появилось темное пятно. Оно было так близко, что Тинг боялся протянуть руку, чтобы не дотронуться до него. Все же он прополз еще немножко: слишком густа была зеленая сеть.

Тинг раздвинул вайи.

Перед ним виднелась темная волосатая спина. Кто-то сидел на земле спиной к Тингу и жалобно скулил. По положению рук было видно, что они поднесены ко рту.

«Сосет палец. Сосет, чавкает и скулит».

— Ууууу! — жаловалось животное, чуть раскачиваясь.

Волосатый затылок был совсем обезьяний. Почти голые раковины ушей Тинг принял бы за человечесьи, но спина была покрыта волосами, плечи волосатые, верхние части рук — в волосах.

«Обезьяна! Свалилась, ушибла палец и сосет его».

Цель была достигнута, и Тинг успокоился. Он отдыхался, вытянул ноги, подпер руками голову.

Обезьяна продолжала скулить. Концы листьев папоротника щекотали ей бока, и она нетерпеливо ерзала, громко чмокая.

Только теперь Тинг заметил, что обезьяна велика для макака или мартышки. На гиббона она была совсем не похожа: коренастая, плотная, с короткой крепкой шеей. Тинг видел разных обезьян в зоопарках и на рисунках и мог отличить гиббона от макака или шимпанзе.

«Новая порода... А ведь новую орнитоптеру я упустил! — вдруг вспомнил он. — Красные хвостики... Удивительно! Или ее и не было, а я просто ошибся спросонок?»

Но обезьяна была здесь. Стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до ее спины.

Сломанным стеблем Тинг пощекотал волосатую спину. Обезьяна заерзала, передернула плечами. Пощекотал еще. Локтем согнутой руки обезьяна почесала бок, выгнула руку, чтобы почесать спину. Кончик стебля задел ухо, и тотчас же коричневая рука хлопнула по уху. Тинг едва успел отдернуть прутик.

Теперь обезьяна уже не скулила и не чмокала. Она чесала бока, пробовала чесать спину, хлопала ладонью по затылку, по шее.

Тинг так увлекся, что не заметил перемены: движения обезьяны становились все резче. Она злилась, а кончик прутика бегал и бегал по ее спине и затылку.

Внезапно обезьяна вскочила и повернулась...

Тинг окаменел с протянутой вперед рукой.

С громким криком обезьяна метнулась в сторону. Задела стебель ротанга¹, укололась о шип и с визгом исчезла в зарослях.

Издали донесся громкий рев.

Вскочив, Тинг побежал за обезьяной. Он прыгал через

¹ Ротанг — ползучее тропическое растение из семейства пальм.

кусты папоротников, ломал какие-то стебли, спотыкался о корневища.

— Скорей! Скорей! — задыхался он.

Впереди трещали кусты, вверху кричали перепуганные шумом синие птицы с длинными хвостами. Стебли лиан хватали Тинга за ноги и не пускали. Заросль папоротников была бесконечной.

Папоротники исчезли, словно их и не было. Исчезли деревья и лианы. После полумрака леса Тинга ослепил яркий, режущий глаза свет.

Тинг остановился.

Меж кустов и красно-синих шапок цветов мелькала обезьяна. Она бежала не на четвереньках, а на двух ногах. Переваливалась, размахивала руками, словно опираясь ими о воздух, но бежала на двух ногах.

Увиденное не успело войти в сознание Тинга. Из-за куста вышла вторая фигура, вдвое больше первой. Она грузно переступала двумя ногами. Темное тело было покрыто темными же волосами.

Маленькая фигурка подбежала к большой.

— Ууууй, уууй! — раздались знакомые Тингу звуки. Эти звуки словно разбудили Тинга. Он увидел, понял и... нисколько не удивился.

— Это питеки! Бедняга Дюбуа! Кусок черепа или живой питек...

Спрятавшись в кустах, Тинг поднес к глазам бинокль. Он достал его из чехла, висевшего через плечо на ремешке. До этой минуты Тинг почему-то ни разу не вспомнил о бинокле.

Питеки не видели человека, скорчившегося в кустах. А Тинг очень боялся, что его увидят.

— Убегут! — шептал он, стуча зубами. — Убегут...

Он был почему-то уверен, что убеги питеки — и больше их не встретишь. Была и исчезла новая орнитоопера, был и исчез яванский слон. Почему же не исчезнуть и питекам? Он съежился, прижимая к глазам прыгающий в руках бинокль.

Радужные круги — вот все, что видел Тинг. Он вертел кремальеру¹, щурил глаза, и все же — ничего, кроме радуги.

Похолодев от страха, он опустил бинокль.

¹ Кремальера — винт бинокля для наводки на фокус.

«Вдруг успели убежать?»

Питеки были здесь.

Тогда новый страх охватил Тинга:

«А если это не они, если мне показалось?..»

Темные фигуры, ходившие на двух ногах, не были людьми. Они не были и обезьянами. И все же Тинг боялся, что ошибается, что перед ним мираж.

Он снова приставил к глазам бинокль.

Радужное кольцо исчезло. В светлом круге Тинг вдруг увидел лицо взрослого питека. Он невольно отшатнулся — таким близким оно ему показалось.

Черные глаза сверкают, словно из глубоких ямок: над глазами навесом выдаются огромные надбровные дуги. Покатый лоб так низок и так косо убегает назад, к темени, что его почти нет. Подбородок сильно скошен назад — его, в сущности, нет, как и лба. Почти плоская переносица, большие ноздри...

Это было страшное лицо: низкий покатый череп, нависший над глазами; убегающий к шее подбородок. Негустые темные волосы покрывали лицо и голову. И потому, что волосы лица и головы были одинаково коротки, голова выглядела голой.

Странная голова получеловека-полуобезьяны. Эта смесь раздражала: было неприятно смотреть и хотелось смотреть не отрываясь.

Брови питека то поднимались, то опускались, и над ними набегали складки морщинок. Морщинки были и на темени, и это особенно поразило Тинга. Он даже попробовал так же сморщиться, но сколько ни шевелил бровями, морщинки собирались лишь на лбу.

— Э, да кто его разберет, где у него лоб, где темя! — рассердился Тинг на себя самого. — Лба, правда, не видно. Но не от бровей же у него темя начинается! Лобная кость все равно есть, хоть и косая.

Питек взглянул в сторону Тинга, глаза их встретились в бинокле. Тинг задрожал, хоть и чувствовал, что питек его не видит. Угрюмый взгляд был чутко настроен. Он говорил: «Вокруг меня всегда враги».

Тинг опустил бинокль и протер чистые стекла, словно хотел стереть с них угрюмый взгляд питека.

Детеныш стоял возле матери и сосал палец, сгорбившись и подпирая рукой руку. Короткие ноги его были тонки, но крепки. И весь он, худощавый, выглядел крепким и сильным.

«Сколько ему лет? Пять? Десять?» спрашивал себя Тинг.

Мать шагнула, пошла. Детеныш продолжал стоять.

Тинг поймал в бинокль его лицо.

Навес над глазами был меньше, подбородок не казался таким скошенным. В лице было больше обезьяньего, оно, пожалуй, походило на лицо гориллы. И все же оно не было обезьяньим.

«Где здесь человеческое? Не в руках. Не в туловище. Не в ногах... — думал Тинг. — В голове? Да. Но что?»

Он искал и не находил. Человеческое было именно в голове, хотя лицо и выглядело обезьяньим.

Ворчанье напомнило Тингу о матери. Она ворчала, остановившись и повернув голову к детенышу.

— Ууууй! — ответил детеныш, не двигаясь с места.

Он сосал палец, пристально глядя на шапку красносиних цветов, по которой ползали большие желтые мухи. Вынув палец изо рта, ударил по цветочной шапке, сбивая мух.

— Ху-ху-ху! — захрипел он, размахивая руками и ударяя по повисшим на сломанном стебле цветкам.

Мать заворчала громче. Ее верхняя губа приподнялась, показались зубы. Рука сжалась в кулак.

Сбив цветки, детеныш ударил по жесткому стеблю. Схватил его и стал дергать.

Казалось, он сражался с каким-то врагом. Сражался о ожесточением, как мальчишки сражаются с крапивой или лопухами.

Стебель сломался. Детеныш не удержался и упал, но не выпустил из рук обломка. Стоя на коленях, он ухватился за остаток стебля.

Тинг видел то, чего не видел детеныш, увлекшийся сражением с цветочными шапками и стеблями: мать вернулась. Она схватила детеныша за плечо и рванула кверху.

Заскулив, детеныш подогнул ноги. Он не вырывался — так цепко ухватили волосатые пальцы матери его волосатое плечо. Детеныш повис в воздухе, поджимая ноги и закрывая руками голову.

— Йининин! — завизжал он.

Мать повернулась и пошла, волоча за собой детеныша.

У Тинга зануло плечо: он представил себе, как пальцы питека вливаются в кожу.

Питек пошел в сторону роуца, видневшейся влево от Тинга. Тинг, не поворачивая головы, следил за ним, кося

глазами. Он повернулся лишь тогда, когда увидел затылок питека.

Теперь детеныш шел чуть позади матери, уже выпустившей его плечо.

Их походка не была звериной, но в ней не было и красивого автоматизма походки человека.

Ноги заметно подгибались в коленях, а спина сутулилась, широкий торс словно оседал на узкие бедра. Стоя, питек выглядел слегка присевшим. На ходу ноги, подогнутые в коленях, передвигались как-то неуверенно. Руки двигались не в такт ногам.

Сильный и коренастый, подвижной и по-своему ловкий, питек выглядел неуклюжим и даже слабоватым. И все из-за походки.

Приподнявшись, Тинг глядел на питеков. Он не боялся, что его увидят: питеки шли не оглядываясь. Они отошли уже далеко, но бинокль держал их у самых глаз Тинга.

«Она взрослая, а походка у нее ребенка, недавно научившегося ходить. Она сильная, и ноги у нее крепкие, но они еще плохо ее слушаются».

Тинг понял секрет странной походки питека. Про второй секрет — секрет головы — он уже позабыл.

Опустив руку с биноклем, Тинг встал во весь рост. Куст едва закрывал его до колен, но Тинг забыл о страхе. Положив бинокль в чехол, он пошел за питеками так спокойно, словно вышел прогуляться вечером по берегу канала, там, дома.

Питеки шли к роще. В сотне шагов за ними шагал Тинг, задевая синие цветы и сгоняя с них желтых мух.

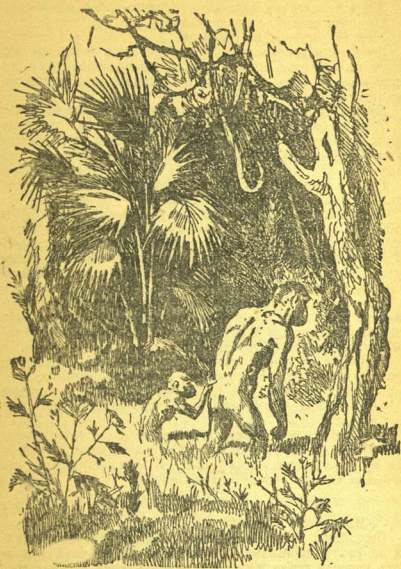
Похожая на фазана птица вылетела из куста, задетого матерью. Она пролетела возле питеков, и мать схватила птицу за хвост. Взмахнула второй рукой, но опоздала: птица вырвалась, оставив в кулаке питека несколько перьев из длинного хвоста.

— Ху-ху-ху! — завопил детеныш вдогонку птице. — Ху-ху-ху!

Он поднял брошенные матерью перья. Терял и ломал их. Ху-хукал и бил перьями по синим цветам.

Мать наклонилась над кустом, из которого вылетела птица. Присела на корточки, стала перебирать траву и стебли под кустом.

Тинг протянул руку за биноклем и вытащил из чехла синий цветок. Швырнул его и вытащил второй... третий... четвертый... Он следил за питеками, вытаскивая и бросая цветок за цветком.

Взглянул на руки. В правой был синий цветок. В левой — бинокль. Отшвырнув цветок, он приставил бинокль к глазам.

В руке матери появилось коричнево-рябое яйцо.

Детеныш схватил яйцо и раздавил его.

Желток растекся по пальцам.

Пока мать доставала второе яйцо, лицо детеныша пожелтело. Он лизал ладонь, сосал пальцы, водил ими по лицу и снова совал их в рот. Проделывая это, он лез через руку матери в куст.

Второе яйцо он не раздавил, а засунул в рот целиком.

Тинг увидел вымазанное желтком лицо и раздутые щеки. Задышавшись, детеныш таращил глаза и шевелил губами. Он совал пальцы в рот, но места для них там не было.

Руки с растопыренными пальцами беспомощно повисли. Из глаза выкатилась слезинка.

Рот раскрылся, между зубами показалось яйцо. Зубы сжались, щеки опали, а на зачмокавших губах повисла струйка белка. Через минуту детеныш выплевывал скорлупки, раздувая щеки и сильно оттопыривая губы. Скорлупки не летели далеко: они падали с губ и прилипали к груди и животу детеныша.

Мать успела съесть остальные яйца сама. Она скусывала их верхушки, вытягивала трубочкой губы и, охватив ими яйцо, втягивала в рот белок и желток. Ни одной капли не повисло на ее губах.

Детеныш подобрал скорлупки, брошенные матерью. Лизал их, пустые и почти сухие. Бросал облизанные, хватал другие, давил их; к его губам прилипали кусочки скорлупы. Коричневые, они были едва заметны на темных губах.

Облизав все скорлупки, детеныш стал снимать налипшие у него на груди и животе. Глядел на каждую и бросал ее, резко взмахивая рукой. И пока скорлупка не исчезала в траве, он не снимал новой.

— Проклятые удочки!

Проклиная толстые стволы бамбуков, Тинг протиснулся на узкую прогалину. Два темных пятна едва виднелись впереди среди пестрой сумятицы теней и солнечных пятен. Ноги ступали по плотному ковру полусгнивших длинных и узких листьев. Треск сломанной ветки заглушался жестяным звоном верхушек. Дул ветерок, и темные

полосы теней, качаясь, сходились и расходились с изжелта-белыми полосами стволов.

Тинг взглянул вниз: в глазах зарябило. Золотые кружки солнечных лучей пестрили землю и гнилые листья.

Питеки терялись в движении полос и золотой ряби.

Заросль казалась мертвой. Гладкие и блестящие, словно неживые, уходили ввысь голые стволы. Шелест кроен походил на шорох металлической стружки. В частоколе бамбуков не кричала ни одна птица, не мелькала ни одна бабочка.

По прикрытой нависшими кронами прогалине питеки шли, как по высокому коридору. Прогалина была так узка, что детеныш не всегда мог идти рядом с матерью. Он отставал, пытался идти сзади. И всякий раз волосатая рука хватала его за плечо и проталкивала вперед. Мать не позволяла детенышу идти сзади.

Каких-нибудь тридцать шагов отделяли теперь Тинга от питеков. Игра теней мешала ему следить за ними, но она же скрывала его от них. Мать несколько раз оглядывалась, и всякий раз сердце Тинга стучало, а виски холодели. И всякий раз мать не замечала Тинга.

Нога чуть уходила во влажную землю. Стало сырее, впереди показался просвет.

Мать нагнулась и почесала ногу, потом бок. Детеныш присел и стал чесать обе ноги сразу.

Через минуту мать уже раздирала ногтями грудь и ноги, терла локтями бока. Детеныш катался по земле, громко скуля.

Тинг остановился.

Одной рукой мать чесала живот, другой — бок. Подняв левую ногу, скребла ею по правой. Не удержалась, упала и заерзала спиной по земле. Вскочила и принялась скрести голову и плечи. Задев, сплибл детеныша и снова упала сама. Они катались по земле; по ним прыгали солнечные пятна, вокруг раскачивались темные и светлые полосы.

Спотыкаясь, размахивая руками и все же пытаясь чесаться на ходу, мать побежала. Делая неуклюжие прыжки, она обогнала детеныша, словно позабыв о нем.

Детеныш, визжа, бежал за ней, падая, вскакивая и снова падая.

Ударившись боком о стволы бамбука, мать отскакивала и ударялась о стволы с другой стороны прогалины. Казалось, огромный мяч мечется от стены к стене в узком коридоре.

— Гхааа!.. Гхаааа!.. — хрипло редела мать.

— Уйиии!.. Уйииии!.. — визжал детеныш.

Ногу Тинга кольнуло. Зачесалось. Еще... Еще...

Он нагнулся. По штанине быстро ползли бледные ниточки. Они то стягивались, высоко горбятся, в комок, то растягивались. Ноги начинали зудеть.

Тинг резко ударил по ногам, словно сбивая с них пыль. Подпрыгнул и побежал за питеками.

— Только этого нехватало! — хохотал он, прыгая и хлопая себя по ногам.

Ему было, как это ни странно, смешно. Забавное приключение: нападение земляных пиявок!

Питеки выбежали на поляну. Среди яркой осоки сверкала вода. Шумно взлетели утки, лениво поднялась цапля. Просвистели кулики.

Ноги матери по колени уходили в топкую грязь болота. Детеныш упал на четвереньки.

Утопая в грязи, он хрипел, задирая кверху вымазанную голову.

Схватив детеныша за плечо, мать вытащила его из грязи. Расплескивая ил, вошла с ним в воду.

Тинг остановился у края бамбуковой заросли. Он ожесточенно тер ладонями ноги, плотно прижимая штанины к телу.

На покрытом зеленью и грязью полотне проступили пятна и красные полосы. Тоненькие ниточки превратились в пузырьки, наполненные кровью: Тинг давил насосавшихся пиявок-крошек.

Питек плескался в неглубокой воде, рыча от удовольствия. Приседал, скрываясь в воде почти по плечи, тер себя руками. Детеныш стоял возле, уцепившись за бок матери. Жмурился и вертел головой.

Большая зеленая лягушка вынырнула и распласталась на воде. Детеныш увидел ее и насторожился. Перестал держаться за мать, зашевелил пальцами. Неуверенно передвигая ноги, шагнул к лягушке. Протянул руку, взмахнул ею и упал.

Мать оглянулась на всплеск воды. Схватила барахтавшегося детеныша за ногу. Подняла его над водой, перехватила другой рукой. Поставила рядом с собой и провела рукой по его лицу, смахивая воду.

Детеныш чихал и плевался водой. Из сжатого кулачка торчал зеленый стебель, из глаз катились слезы.

Не успел Тинг передавить всех напавших на него пиявок, как детеныш развеселился.

— Ху-ху-ху! — захрипел он, ударив стеблем по воде. — Ху-ху-ху!

Уронив стебелек, он бил по воде ладонями, жмурясь от сверкавших брызг.

Мать пошла через болото, таща за собой детеныша. Болото было неширокое, и они быстро выбрались на другой берег. Прошли по осоке, добрались до пригорка и сели.

Мать принялась водить пальцами по груди и бокам, по голове. Счищала грязь, выбирала из мокрых волос набившийся в них мусор. Детеныш лежал на спине. Задрал ногу, ухватил ее одной рукой, а другой сколупывал с колени быстро сохнувший на солнце ил.

Узкое болотце далеко протянулось в стороны. Тинг огляделся и присел на корточки: спрятаться среди осоки было трудно. Поглаживая еще зудевшие ноги, он глядел на большую стрекозу с бирюзовым брюшком, летавшую кругами возле него. Стрекоза хватала на лету комаров. Иногда оборванное крылышко комара падало, кружась, у самого лица Тинга. Тогда он видел, как оно переливалось перламутром в солнечном луче.

Развалившись на пригорке, мать грелась на солнце. Переворачивалась с боку на бок, сушила спину и живот, а руками шарила в траве. Выдергивала какие-то травинки, что-то совала в рот.

Детеныш выпустил из рук ногу и встал на четвереньки. Пополз вперед. Хлопнул по траве и пригнул голову, заглядывая под прижатую к земле ладонь. Пополз опять, снова хлопнул.

Он ползал и хлопал, каждый раз заглядывая под руку. «Кузнечика ловит. А может, и лягушонка».

Тинг засмеялся, вспомнив, как детеныш ловил лягушку на болоте.

— Ху-ху-ху! — крикнул опять детеныш. — Ху-ху-ху!.. Уйинини! — завизжал он тотчас же.

Мать резко повернулась. Детеныш не удержался на четвереньках, упал на бок и визжал, трясая поднятой рукой.

В ладонь детеныша впился большой кузнечик.

Не вставая, мать схватила детеныша за руку, сжала в пальцах кузнечика. Оторвала ему голову и сунула кузнечика детенышу.

Держа кузнечика в руке, детеныш лизал укушенную ладонь. Длинные ноги кузнечика торчали во все стороны, детеныш возил ими по лицу, задевал глаза. Морщился, но

продолжал лизать руку, в пальцах которой держал добычу.

Нога кузнечика попала в ноздрю. Детеныш чихнул так сильно, что повалился на бок и уронил кузнечика.

— Ху-ху-ху!

Держа раздавленного кузнечика, он оборвал ему — по одной — ноги и крылья. Рвал изо всех сил и бросал обрывки далеко в стороны. Съел остатки кузнечика, поливал пальцы и потянулся к матери за корешком. Сидел на корточках и жевал, глядя в траву.

— Ху-ху-ху! — снова завопил он, ударяя по земле. — Ху-ху-ху! Ху-ху-ху!

Возле пней возился детеныш. Один! Как и куда исчезла мать, Тинг не заметил.

Детеныш присел возле пня и похлопал по нему рукой. Ухватился за торчащий выступ коры и дернул. Кусок коры отвалился так легко, что детеныш не удержался и упал на спину.

Снова присев у пня, он запустил пальцы в гнилую древесину и вытащил большую белую личинку. Жирная личинка упруго ворочалась в пальцах, скользила и вырывалась. Детеныш поднес ее ко рту головой вперед и быстро отдернул руку. Поглядел на личинку, снова поднес ко рту и снова отдернул руку. Зашевелил губами, облизал их, почесал свободной рукой.

Бросил личинку на землю и ударил по ней ладонью. Сжал в пальцах влажный белый комок, облепленный мусором и землей. Сунул в рот и личинку и пальцы.

Он не спешил: пока жевал личинку, не искал другой.

Переходя от пня к пню, детеныш добрался до толстого ствола. Огромное дерево косо поднималось от земли ввышину: падая, оно запуталось ветвями в кронах соседей. Присев на корточки, детеныш обшарил ствол вниз. Нашел и съел несколько личинок. Сунул в рот большого муравья и потом долго плевался. Даже высунул язык и тер его рукой.

Ствол отлого поднимался над землей. Детеныш шел вдоль него и шарил по коре на уровне глаз. Он попробовал отдирать кору над головой, поднимая руки и задирая голову. Засыпал мусором глаза.

Тинг стоял за деревом совсем близко. Он хорошо видел каждое движение детеныша, каждую морщинку на его лице.

Детеныш сморщился, оттопырил губы и принялся тереть глаза. Не удержался на ногах, сел. Приоткрыл было один глаз, но снова зажмурился и быстро заелозил лалоньями по лицу. Тер как придется, и вдоль и поперек лица, наконец открыл глаза, вытаращил их и заморгал. Очевидно, больше ничто не мешало ему смотреть. Он влез на ствол и пополз. Лежа на животе, пробовал отдирать кору.

Оторвал большой кусок и вытащил огромную личинку. Она завертелась у него в пальцах, упала, скользнула по коре и свалилась со ствола.

Выпятив нижнюю губу, детеныш посмотрел на пустую руку. Посмотрел на кору. Подполз к краю.

Личинка упала на куст и корчилась на большом листе. Лист дрожал, а детеныш свесил со ствола голову и глядел на личинку, шевеля пальцами опущенных рук, словно что-то хватая.

Черешок согнулся, лист наклонился, и личинка упала на землю. Детеныш потянулся за ней и свалился со ствола.

Он перекувырнулся в воздухе и упал в середину большого густого куста. Запутался в нем и заворочался, ломая ветви и сбивая листья.

— Ууууу!.. Уууууу!.. — закричал он, выбившись из сил.

В вершинах деревьев зашумело. Ветви закачались, упало несколько сучков.

Тинг взглянул вверх: с вершины дерева спускалась стайка макаков.

Обезьяны расселись на нижних ветвях и смотрели на куст. Они, лопоча, толкали и щипали друг друга, бросали вниз листья и обломки веток.

Макак слез с дерева и подбежал к кусту. Заглянул в него, отскочил, снова заглянул. Прыгнул назад на дерево, закачался, повиснув на лиане.

Стая с визгом спустилась на землю. Макаки полезли в куст, начали дергать детеныша за руки и за ноги, потащили его из куста.

Детеныш кричал и вырывался, хватаясь за ветви. Вырывался, побежал, крича и спотыкаясь. Макаки прыгали вокруг него, ловили за руки, толкали.

Он упал. Обезьяны, визжа, бросились к нему. Они щипали друг друга и детеныша, вскакивали, отбегали и снова бросались в эту живую кучу. Детеныш ворочался среди рук и хвостов и орал изо всех сил.

Вдруг макаки бросились к деревьям. Тинг не видел.

что случилось, кто испугал макаков. Может быть, им просто надоела возня с детенышем?

Внизу остался лишь один макак. Детеныш, лежа на животе, крепко держал в руке его длинный хвост. Обезьяна рвалась, визжала, но рука не разжималась.

Стая уселась на нижних ветвях. Макаки вскакивали, перебегали с ветки на ветку, глядели вниз, подталкивая друг друга. Казалось, они смеялись над рвавшимся из рук детеныша макаком.

Макак оскалил зубы и обернулся. Тинг ждал, что он укусит детеныша, и ошибся. От звонкой оплеухи обезьяны подпрыгнули на ветвях, а детеныш выпустил хвост.

— Ху-ху-ху! — прохрипел он вдогонку убежавшему макаку.

Несколько мгновений — и стая шумела высоко в ветвях.

Детеныш остался один. Он лежал на животе, вытянув вперед руку, из которой вырвался макак. Придвинул руку к себе, посмотрел на ладонь, на траву, взглянул на дерево. Он словно хотел понять, куда девалось то, что было зажато в его руке.

Сел, поднял с земли сучок и начал вертеть его между пальцами. Подбросил его вверх, поднял, опять подбросил. Он не ловил сучок на лету, и Тинг был очень огорчен этим: занятно было бы видеть штека играющим в мяч.

На одной из веток, у самой головы Тинга, лежал и грелся на солнце летающий дракон: ящерица в двадцать сантиметров длиной. Бурая окраска его, пятнистая и металлически блестящая, хорошо сливалась с цветом коры сука. Тинг не видел дракона, хотя тот лежал в каком-нибудь метре от его глаз. Но он не мог не увидеть небольшую бабочку пяденицу, чуть не задевшую крыльями его ухо. А увидев бабочку, увидел и дракона: тот прыгнул.

Распустив кожистые складки-перепонки между передними и задними ногами, дракон пролетел, планируя, несколько метров. Схватил на лету бабочку и, как на парашюте, спустился на куст.

Петевого дракона заметил и детеныш. Он поднял голову, выронил сучок и повел глазами за драконом. Хотел было вскочить, но дракон, опустившись на вершину куста, снова стал невидим. Детеныш растерянно глядел на куст, приподнимался, снова садился.

С куста упало, кружась, крыло бабочки. Детеныш вскочил и подбежал к кусту. Ловил крылышко, но оно не

давалось: рука хватала лишь воздух, а крыло кружилось рядом.

Детеныш разглядел дракона на ветке: у бабочки еще оставалось одно крыло, и оно было хорошо заметно. Маленький питек приподнялся на цыпочках, шевеля губами, словно шепча, и тянулся кверху. Вертясь под кустом, он толкнул ветку, та задела другую. Дракон распустил перепонки и полетел.

Он мог летать только вниз — кверху он всползал, как обычная ящерица. Ниже куста были лишь трава и земля, и дракон спустился на землю. Пополз к дереву: вниз, на земле, ему было очень не по себе.

Увидеть ползущую ящерицу нетрудно. Детеныш подбежал к дракону, с размаху упал на четвереньки, хлопнул рукой по земле раз, другой...

Сел, держа в руке оглушенного ударом дракона. Разглядывал его, тянул за хвост и вдруг испуганно выронил, вскочил, отбежал: дракон, придя в себя, раздул горловой мешок и громко зашипел.

Детеныш убежал, а дракон все еще шевелил хвостом и шипел, подняв голову, под которой вздувался огромный пестрый пузырь.

Он пугал врага, а врага уже не было.

Тинг видел только одно огромное дерево. Его ствол был так толст, что за ним мог спрятаться слон. Ветви раскинулись широким шатром, и их тени хватило бы укрыть небольшую деревню. Сотни лиан опутывали дерево, лестницами свисали с ветвей.

Большая голова с маленькими ушами и крохотными подслеповатыми глазками просунулась меж листьев. Мелькнула черная грудь с ярко-рыжим ошейником-галстуком. Медведь буруанг¹ неуклюже пробирался по ветвям.

Хватаясь за лианы, буруанг задом сполз по стволу и вперевалку пошел меж кустами. Он останавливался у каждого пня, у каждого трухлявого, гнившего на черной земле ствола. Отдирал кору, разламывал гнилую древесину. Подхватывал личинок и жуков, слизывал их с лап и громко чавкал.

Тинг повернулся. Теперь перед ним был отлогий берег реки, поросший редкими кустами. Возле груды камней копошился питек-детеныш.

¹ Буруанг — небольшой малайский медведь.

Буруанг шел к воде, раскачиваясь и суя голову в каждый куст. Он выглядел очень любознательным: ему нужно было все поглядеть, обнюхать, попробовать. На самом деле он просто искал еду. Увидя детеныша, буруанг замедлил шаги, насторожил уши и потянул воздух, забавно шевеля ноздрями. Мотнул головой и свернул к гнилому стволу.

— Уй-уй-уй! — завопил детеныш, заметив буруанга. — Уй-уй-уй! Уй-уй-уй!..

Оглянувшись на крик, буруанг запустил лапу под кору трухлявого ствола. Он не успел содрать кору: из-за камней выбежала питек-мать.

Она метнулась к детенышу и загородила его собой, оскалив зубы, сверкая глазами и злобно хрипя.

Буруанг поглядел на нее, замотал головой и отдернул лапу от коры. Повернулся, поглядел еще и неторопливо пошел к лесу.

Мать заревела, и Тинг задрожал, услыша этот рев. Она побежала за буруангом, ревя и размахивая кулаками. Огрызаясь на ходу, буруанг исчез в лесном сумраке.

— Ху-ху-ху! — закричал ему вдогонку детеныш, сжимая кулаки.

Прогнав буруанга, мать вернулась. Детеныш ползал возле гнилого ствола, пытаясь отодрать кору. Совал в трещины пальцы, ложился на ствол, пыхтел и сопел... Встал, пошел вдоль ствола, пробуя то тут, то там ухватиться за выступ коры. Увидел дыру: ствол был с дуплом.

Детеныш засунул руку в дыру и с жалобным криком потащил ее обратно. Рука застряла, детеныш кричал и дергал руку. В его глазах был ужас, лицо сморщилось от боли.

На крик подошла мать: она была совсем рядом. Поглядела на детеныша; поглядела по сторонам. Ухватила руку, рванула.

Детеныш завопил еще громче.

Вытащив застрявшую руку детеныша, мать засунула в дупло свою и начала шарить в дупле. Потащила руку обратно.

Рука застряла. Тинг видел, как мать дергала руку, вертела ею в дупле, выворачивала в локте и в плече. Ничто не помогало. Она громко сопела от напряжения, скалила зубы, злилась. Детеныш сидел возле и то сосал палец, то лизал оцарапанную кисть.

Возясь у дупла, мать зацепила ногой детеныша. Падая, он прикусил палец и завизжал от боли. Отбежал

в сторонку и жалобно заскулил, снова засунув палец в рот.

Мать вдруг вытащила руку из дупла. Вытащила так легко, словно и не было всей этой возни.

Тинг увидел вымазанные чем-то желтым пальцы. Мать облизала их и снова просунула руку в дупло. Теперь Тинг понял: в дупле было гнездо, мать схватила яйцо, и сжатая в кулак рука с яйцом застряла. Оставить яйцо в дупле мать не хотела, вытащить руку с яйцом не могла.

Питек возился у дупла: в гнезде было не одно яйцо. Детеныш пососал палец и, успокоившись, встал и побрел к реке.

У самого берега на воде плавали листья кувшинок, а по ним ползали блестящие на солнце бронзово-зеленые жуки. Детеныш увидел жуков и начал красться к воде.

В прибрежных зарослях осоки затаился крокодил. Он неподвижно лежал, едва заметный на фоне ила и тины. Его глаза, плотно затянутые прозрачной пленкой, не мигали и тускло смотрели вдаль, но они-то и выдали его Тингу: блеснули на солнце.

Детеныш не заметил крокодила: все его внимание было направлено на жуков, зелеными огоньками сверкавших на солнце.

Услыша шорох, крокодил чуть двинул хвостом и повернул голову. Увидел детеныша и, едва передвигая ноги, пополз к нему.

Раздвигаемая крокодилом осока чуть вдрагивала. Он полз так медленно, что Тинг не сразу заметил его движение. Казалось, в прибрежной тине и осоке попрежнему лежит какое-то небольшое грязное бревно.

Мать вытащила из дупла руку с взъерошенным комком перьев. Сидя на корточках, оглянулась, ища детеныша. Встала и пошла к нему на берег. Ухватив за ноги, разорвала на ходу задущенную в дупле птицу пополам.

Оба питека стояли на берегу, жевали и выплевывали перья и кости. Детеныш залезал пальцами в рот, вытаскивал налипшие там перья, рвал мясо с ноги птицы, мотая головой.

Хрустнул сломанный сучок. Мать быстро оглянулась и подскочила. У ее ноги щелкнули челюсти промахнувшегося крокодила.

Оттолкнув детеныша, мать бросилась на врага.

Крокодил ударил хвостом, разбрызгивая ил. Защелкал челюстями, показывая страшные зубы.

Питек ревел. Его глаза горели, сверкали оскаленные зубы, волосы на голове стояли дыбом. Тинг дрожал в кустах — так страшен был разъяренный питек.

Нагнувшись, питек схватил крокодила за хвост. Крокодил вырывался, царапая землю лапами. Его зубы щелкали у самой ноги питека.

И вот зубы не щелкнули: челюсти крокодила сомкнулись на мягком.

Питек заревел еще громче. Выпустив хвост крокодила, он ухватил одной рукой нижнюю челюсть врага, другой — верхнюю. Дергал, пытаясь освободить ногу из капкана крокодиловых зубов.

Крокодил бил хвостом, извивался всем туловищем, широко загребая ногами, но не разжимал челюстей.

Детеныш убежал и забился меж камней.

Тинг услышал треск: челюсть крокодила обвисла. Питек высвободил ногу, но не выпускал врага. Он поджал ступню, из которой текла кровь, и, припав на одно колено, рвал и ломал. Упал, сшибленный ударом хвоста, и лежа продолжал рвать.

Два тела переплелись, катаясь по берегу. Хвост крокодила ударял то по воздуху, то по питеку, волосатые пальцы и когтистые лапы царапали землю. Капли крови

падали на волосатую спину и покрытый чешуйчатым панцирем хвост. Крокодил хрипел, питек громко сопел.

Оторванная нижняя челюсть отлетела в сторону. Крокодил судорожно бил хвостом и рыл землю концом морды. Питек схватил его за шею, пригнулся к горлу...

Он рвал и мертвого крокодила. Рвал до тех пор, пока враг не превратился в кучу кровавых лохмотьев. Только тогда питек отошел от крокодила, громко ворча и злобно сверкая глазами.

Проковыляв несколько шагов по берегу, питек сел. Из прокушенной ступни текла кровь. Питек задрал раненую ногу, схватил ее руками, притянул к лицу и начал лизать.

Детеныш выбрался из камней и подполз к матери. Он дрожал и тихонько повизгивал. Глядел на капавшую из ноги кровь. Прижимался к матери, пытался спрятаться за ее спиной.

Над остатками крокодила уже плясали мухи. Ярко-зеленые, они были издали заметны на красных лохмотьях.

«Что за странность? — удивлялся Тинг. — Говорят, что крокодилы сильно пахнут мускусом. И вот крокодил разорван в клочья, и никакого мускуса. — Тинг понюхал воздух. — Нет, мускусом совсем не пахнет!»

Тинг бежал через рощу.

Он топтал разноцветные листья бегоний и сбивал их плоские розовые цветы. Царапал руки о колючие кусты. Путался в лианах. Наталкивался на деревья и спилбал со стволов целые корзины орхидей — фиолетово-зеленых, пурпуровых и ярко-белых.

Гомрай¹ с карканьем погнались за ним. Хлопали огромными клювами с толстыми нащепками, пестрели черно-белыми полосами крыльев.

Какие-то птицы взлетали из-под ног. Похрюкивая, промчалась в кустах дикая свинья.

Обезьяны с визгом карабкались по лианам, а гиббоны раскачивались, уцепившись за ветви длинными руками.

Тинг и видел и не видел все это. Бежал в одну сторону, поворачивал, бежал в другую. Снова поворачивал, снова бежал...

Ни минуты остановки!

Он задыхался. В глазах мелькало все сразу: и цветы

¹ Гомрай — птица величиной с ворона, с огромным клювом.

орхидей, и коричневые стволы деревьев, и зеленые листья, и черно-белые пятна гомраев.

Питеки исчезли!

Тинг не помнил, как он потерял их.

Была опушка, и была река. Питек дрался с крокодилом. Были камни. Возле них сидели два питека: мать и детеныш. Тинг лишь на миг отвел глаза и когда снова взглянул, питеков не было.

Тогда он побежал.

«Найти!.. Увидеть!..»

Поляна... яркий свет... Кусты и трава, путающаяся в ногах...

Лесная чаща и сеть лиан в воздухе, груды гнилья под погами...

Опушка. Мелкая поросль кустов... Дикобраз — фыркающий ком длинных пестрых игл... Топот испуганного стада оленей...

Плоская равнина, поросшая невысокой жесткой травой. Огромные чешуи свернувшегося в клубок панголина...¹

Тинг задыхался и бежал.

Горячие волны ухали в его голове, колени мучительно были, язык едва поворачивался в пересохшем рту.

«Только не упасть! — твердил он себе. — Упаду — не встану».

Он спотыкался, падал, вскакивал и бежал снова.

Овраг... Пологие склоны, покрытые кустами и густой травой. Мордастая голова с огромным рогом на носу...

Склоны превращаются в обрывы. Трава исчезает, отдельные кусты торчат между глубокими бороздами, прорезанными в глине водой ливней. Ямы и рытвины пестрят дно.

Тинг выбежал из оврага и остановился, едва удержавшись на ногах. Отшатнулся, прислонился к выступу обрыва, вцепился в него обеими руками и замер.

«Опи!»

Питеки появились так же внезапно, как исчезли.

Высокий обрыв нависал, словно наклонившаяся стена. Равнина уходила вдаль, перегороженная полоской тростника. Зубцы пальмовых крон резали небо.

Питек с грудным детенышем сидел на бугорке. Детеныш вцепился в темную волосатую кожу и сосал грудь. Мать прижимала его к себе одной рукой, другой переби-

¹ Панголин — млекопитающее животное.

рала короткие волосы малыша. Два больших детеныша возились в траве. В стороне виднелась спина взрослого питека, присевшего на корточки.

Тинг опустил на землю. Его ноги дрожали, колени ныли, пальцы горели. Он сидел, а ему казалось, что его ноги еще бегут. Тинг даже поглядел на них: ноги лежали, протянутые на красной с синими подтеками глине.

Детеныши ползали в траве, искали какие-то растения. Найдя, присаживались на корточки, обрывали листья и жевали стебельки, поглядывая друг на друга.

Питек, сидевший спиной к Тингу, встал, поглядел по сторонам и медленно пошел к деревьям.

Он сильно сутулился, а потому выглядел невысоким. Выпрямившись, он оказался бы выше человека среднего роста. Мышцы резко выступали на сухощавых руках и ногах, казавшихся очень тонкими из-за широкой, крепкой груди. У него почти не было жира: лишь кожа и сильные мышцы под ней. Поэтому он выглядел странно: коренастый торс при впалом животе и на тощих ногах. Маленькая голова на короткой шее словно чужая: туловище было велико для такой головы.

Питек шел, чуть согнув ноги в коленях и свесив руки, едва качавшиеся не в такт походке.

Тинг подставил ладонь к глазам и закрыл ею туловище питека: он увидел лишь шагающие ноги. Закрыл ла-

донью ноги, и увидел передвигающееся туловище. Два разных существа! Смотрел на туловище: кто-то шел грузно и тяжело. Видел лишь ноги: ступал не то очень уставший, не то больной ребенок.

Питек подошел к деревьям и осмотрелся. Нагнулся, поднял обломок сука, повертел его в руках и бросил. Поднял другой... Перепробовал несколько сучков и вернулся на дугвинку, неся короткий обломок. Присел на корточках, ухватил обломок обеими руками и воткнул его в рыхлую влажную землю.

Он тыкал обломком в землю, словно ребенок совком. Подковырнул и вытащил корень: толстый и короткий, похожий на уродливую свеклу, но не красный и не белый, а бурый. Положил обломок и принялся рассматривать корень.

Словно близорукий, он подносил корень к самым глазам. Тинг подумал было, что питек нюхает корень. Нет, он проносил его мимо ноздрей именно к глазам.

Питек потер корень ладонью, счищая землю, снова поднес к глазам и откусил кончик.

Детеныши подошли к питеку, встали перед ним и глядели, как он жует. Питек кусал и жевал, словно не видя их.

Съев корень, он поднял обломок и, не вставая, повел головой: искал другой корень. Нашел, оперся на руку и, не поднимаясь, передвинулся на несколько шагов, ловко переступая раскоряченными ногами.

Стоя сзади питека, детеныши смотрели на его работу. Присели, стали ковырять землю пальцами. Толкали один другого и каждый раз переглядывались, скаля зубы.

Смеялись они или злились? Тинг не мог разобраться в этом, так невыразителен был оскал зубов.

Питек снова добыл корень, уселся и начал есть. Один из детенышей тоже сел и принялся жевать стебелек: корешка у него не было. Другой устоялся на обломок сука, лежавший возле питека. Протянул руку к нему — не достал. Лег на живот, вытянулся и осторожно пополз. Схватил обломок, отполз, вскочил и пробежал несколько шагов.

Присев, он принялся тыкать обломком в землю. Он не откапывал корень, а просто ковырял, где придется. Пристально смотрел, как конец обломка вдавливается в землю, нажимал, и влажные комочки земли взлетали вверх. Похоже, ему особенно нравилось именно это — взлетающие комочки. Детеныш с силой подковыривал землю, комочки

разлетались во все стороны, и он провожал их глазами, отрывисто хрипя.

Второй детеныш бросил недоеденный стебелек и подбежал к первому. Стал вырывать у него обломок.

Они не успели подражаться: питек заметил пропажу. За шарил рукой в траве, оглянулся, пошарил еще. Перевернулся и, стоя на четвереньках, пригнулся к земле. Глядел, искал и не находил. Тогда он встал и увидел детенышей. Подошел к ним.

Взмах руки — мимо детенышей промелькнул сучок. Еще взмах — и детеныш ткнулся носом в землю: егошиб удар по затылку. Второй детеныш скорчился и уткнулся лицом в траву. Питек ударил его ногой и отошел, медлительный и равнодушный.

Он так спокойно проделал все это, что Тинг удивился: не было шума и криков, питек не ворчал и не злился. Он действовал, словно автомат.

Лежа рядом, детеныши скулили. Поскулив, замолчали, приподнялись, огляделись вокруг и снова уткнулись носами в землю: спина питека торчала из травы совсем близко от них.

Они переглянулись и отползли от питека подальше. Снова переглянулись и принялись толкать друг друга локтями в бока. Один повернулся, и локоть другого ударил его в лицо.

Детеныш вскочил, бросился на обидчика и вцепился в него.

— Ху-ху-ху! — кричали они, катаясь в траве, брыкаясь и размахивая кулаками. — Ху-ху-ху!

Они скалили зубы, пытались укусить. Рвали друг друга уши, царапались. У одного из носа потекла кровь, и он, подхватывая ее языком, тянулся к противнику.

Визжа, хрипя и хухукая на все лады, драчуны возились в траве. Питек откапывал корни и жевал их, не обращая внимания на эту возню. Мать дремала с грудным на руках, приоткрывая глаза, когда визг раздавался особенно громко, и снова закрывая их.

— Всякому свое! — сказал Тинг, поглаживая ноги. — Кому что, а мне хоть полчасика посидеть.

Кто-то тронул плечо Тинга.

Тинг не обернулся, а только скосил глаз: ему было лень шевелиться.

Сзади него стоял детеныш питека.

— Ху-ху-ху! — прохрипел он, тыча пальцем в плечо Тинга, на котором блестела на солнце пряжка от ремешка бинокля.

Глаза детеныша поблескивали из-под нависшего лба с едва заметными бровями. Он оттопырил нижнюю губу, сморщил нос и пристально глядел на пряжку.

Тинг замер, чуть повернув голову и кося глазом через плечо.

«Говорят, что пока взгляд зверя не встретится с твоим взглядом, он тебя почти не замечает», подумал Тинг. Он спрятал от детеныша свой взгляд: закрыл один глаз и так прищурил другой, что едва видел маленького питека.

Детеныш тыкал пальцем в пряжку и хухукал. Хлопнул ладонью Тинга по плечу. Тинг слышал, как он сопел.

Чуть шевеля рукой, Тинг дотянулся пальцами до ремешка, потянул его, и пряжка переползла с плеча на спину. Детеныш ударил Тинга по спине.

Пряжка ползала с плеча на спину и со спины на плечо. Детеныш хлопал Тинга по спине, по плечу, ловя пряжку. Удары становились все чаще и резче, сопенье — громче.

Тинг потянул за другой конец ремешка, и пряжка переползла на грудь.

Не удержавшись, детеныш хлопнул по пустому месту и перестал сопеть. Он глядел на плечо Тинга, на свою ладонь и искал исчезнувшую пряжку.

Пряжка выползла на плечо. Удар — и она исчезла на груди.

Вдруг рука вцепилась в плечо Тинга. Пальцы сжали плотно куртку и не выпускали его. Вместе с курткой они захватили и ремешок.

Дергая ремешок, Тинг пытался вытащить его из пальцев детеныша. Но пальцы сжались еще сильнее.

Тинг почувствовал дыхание на своем затылке: детеныш пригнулся к нему вплотную. Чуть разжав горсть, он разглядывал ремешок и куртку: искал блестящую пряжку.

Рука разжалась, ремешок освободился, и пряжка выползла на плечо. Тотчас же рука сжала ремешок, и Тинг едва успел спасти пряжку, продернув ее между пальцами детеныша.

— Ху-ху-ху! — завопил детеныш, дергая куртку на плече Тинга. — Ху-ху-ху!

Пряжка снова выползла на плечо. Удара не было. Пряжка сползла на грудь, опять появилась на плече...

Толчок был так силен, что Тинг чуть не стукнулся

подбородком о колени. Детеныш с размаху бросился на Тинга и вцепился в его плечо обеими руками.

Тинг не выпрямился: он остался сидеть, пригнувшись к коленям. Теперь он едва видел детеныша, хоть и косил глазом из всех сил.

Детеныш дергал полотно куртки. Тинг натянул ремешок, и пальцы детеныша скользили по нему, но не могли ухватить: туго натянутый ремешок врезался в плечо Тинга.

Когда детеныш выпустил из пальцев куртку, Тинг не успел потянуть ремешок, чтобы заставить пряжку ползать. Новый толчок — теперь сбоку — был резок и неожиданен. Тинг не удержался: покачнулся и свалился с буторка, на котором сидел.

Детеныш упал на него, не выпуская куртки. Не шевелясь, Тинг лежал на животе, чуть повернув голову и пытаясь смотреть вверх. На нем возился и сопел детеныш, дергая куртку.

Правая рука Тинга, была свободна, но схватить ремешок он уже не мог: нужно было просунуть руку под себя. Тинг боялся сделать это: вдруг придется отбиваться от детеныша. Кто его знает? Левая рука оказалась под Тингом: он прижал ее, падая.

«Не заметит», решил Тинг, чуть приподнимаясь и освобождая руку.

Тинг почувствовал, как детеныш сполз с его спины и выпустил куртку. Кося глазом, увидел, что питек присел возле него на корточки. Сопел и пристально глядел не на плечо, а на затылок Тинга.

Лицо детеныша было теперь совсем близко. Темные губы шевелились, словно шептали. Лоб сморщился, глаза перебегали с плеча на затылок.

Дотропувшись до волос на затылке Тинга, детеныш отдернул руку. Тронул еще. Ухватил несколько волосков и потянул.

— Ху-ху-ху! — завопил он, вцепившись в волосы и дергая их из всех сил.

Не успел Тинг опомниться, как почувствовал горячее дыхание на шее.

«Укусит!»

Тинг резко мотнул головой.

Детеныш не удержался и упал на Тинга, но пальцы не выпустили волос.

Соблазн был велик, и Тинг вытянул руку. Почувствовал горячую волосатую кожу и погладил ногу детеныша.

Шум вблизи мурашками пробежал по спине. Тинг повернулся.

В нескольких шагах от него стоял взрослый питек.

Оттолкнув детеныша, Тинг вскочил. Детеныш громко завопил. Питек шагнул, оскалившись и сжав кулаки.

Тинг побежал со всех ног.

Пересохшая горячая глина приятно грела живот, но коленкам было неуютно: сухие комья больно давили кожу. Ветер чуть шумел в ушах, и травинки, торчавшие из растрескавшейся глины, щекотали щеки. Солнце жгло затылок.

Тинг лежал на краю обрыва. Сбоку жестяными веерами распластались широкие листья пальм. Редкие с края, они сливались во взъерошенную зубчатую стену там, где деревья образовали непролазную чащу. Над растрепанной щеткой крон раскачивали султанами цветов гибкие стволы гебангов¹. Темные шары кокосов выглядели так, словно каждый миг могли оторваться и упасть.

Сбегая каскадом с обрыва, кроны чащи уступами спускались в равнину и растекались по ней. Стая попугаев пестрила опушку. Прищурившись, Тинг видел вдали яркие точки: словно бабочки порхали над кустами.

Влево тянулся обрыв, голый и горячий. Колючие стебли с остро вырезанными шиповатыми листьями и шариками жестких соцветий торчали между кустиками травинок и трещинами, бороздившими побледневшую от сухости глину.

Далеко впереди высокие лесистые холмы громоздились друг на друга, постепенно вырастая в горную цепь, темневшую горизонт. Лысая вершина вулкана поднималась, словно большой камень среди мшистых кочек.

Изрезанный глубокими промоинами обрыв то нависал выступами, то спускался осынями, голыми или в редкой поросли колючек.

Тинг видел сверху часть кустистой и неровной площадки, над которой повис обрыв.

Под обрывом, на солнечном припеке, среди кустов, глинистых бугров и песчаных откосов темнели фигуры питеков.

Свесив голову, Тинг глядел на них. Он не боялся, что его увидят, и глядел вниз так, словно рассматривал мо-

¹ Гебанги — пальмы.

стовую, лежа на подоконнике третьего этажа на амстердамской улице.

Из пальмовых зарослей доносились крики попугаев. На обрыве уныло свистела какая-то серая птица, шнырявшая среди глины и колючек. Шуршали ящерицы, выползавшие из-за кустиков сухой травы. Они то медленно взбирались на нагретые солнцем камни, то исчезали в трещинах почвы. Иногда, грозно гудя, пролетали огромные оранжевые осы с фиолетовыми крыльями.

Взрослый питек вышел из леса, волоча за собой несколько больших ветвей. Они цеплялись за кусты, за камни, и тогда питек дергал изо всех сил, не останавливаясь и не оглядываясь.

Он крепко держал концы ветвей, но управлять движением вороха не умел. Ухватив ветви, он просто тащил их за собой, не выравнивая, не уложив поудобнее. Ветви громоздились одна на другую, торчали во все стороны и цеплялись за камни. Ворох не столько полз, сколько прыгал по земле, и наконец зацепился за куст. Питек рванул, но ворох не сдвинулся с места. Питек рванул еще сильнее и, переступив, запутался ногами в ветвях. Выпустив их, он взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и упал. Заворочался, встал на четвереньки и, выбравшись из вороха, выпрямился, ухватил концы ветвей и снова дернул, но они зацепились крепко. Тогда питек выпустил ветви из рук и пошел к кусту. Подергал ветку и, приподняв, высвободил ее.

Ворох снова запрыгал между кустами и камнями, бороздя землю и пыля мелким сухим песком. Он ударил детеныша по ногам и сбил его. Детеныш упал. Питек продолжал тянуть, и ворох полз за ним, шурша и везя на себе детеныша.

Детеныш приподнялся, вертя головой, над листьями. Упал, соскользнув с ветвей, завизжал и снова поднялся. Второй детеныш сам прыгнул на ворох и сшиб первого. Оба завозились, приподнимаясь и снова падая, взбираясь на ветви и проваливаясь между ними.

Питек, очевидно, почувствовал, что ворох стал тяжелее, но не оглянулся. Для него это был все тот же привычный случай: ворох зацепился. Он рванул, ворох подпрыгнул, и детеныши скатились с него.

Падая, они ухватились за концы веток, и ворох поволок их за собой. Они визжали и цеплялись за ветки, вырывавшиеся у них из рук, бившие по головам. Не удер-

жались, растянулись на земле и, жалобно крича, принялись тереть глаза, засыпанные пылью.

Визг детенышей не привлек внимания питека: ворох попрежнему полз и прыгал по площадке.

Детеныши скоро успокоились. Поднялись и принялись шарить в траве, ползая между кустами.

Тинг не разглядел толком, что они хватали и совали в рот. Это были какие-то мелкие насекомые, которых детеныши ловили в траве. Они приподнимали и каждый встретившийся им камешек, но здесь добычи не находили.

На площадке были еще питеки — и взрослые и детеныши. Тинг даже не сосчитал их: он глядел лишь на питека. Все остальное не улавливалось его сознанием.

Питек подтащил ветви к самому обрыву, скрывшись под навесом выступа.

Свесившись, Тинг пытался заглянуть вниз, под обрыв. Он увидел часть вороха, лежавшего неподвижно. Но выступ обрыва был широк и мешал смотреть.

Вытягиваясь все дальше и дальше, Тинг свесился о выступа. Упираясь одной рукой в землю, он засунул другую в глубокую трещину и тянулся вперед, плотно прижимаясь к сухой глине и стараясь заглянуть под навес, скрывший от него питека.

Он увидел, как дрогнул ворох, и услышал треск сломанной ветки... Увидел руку, ухватившую ветку... Увидел, как ветка изогнулась. Она оторвалась от сука и потащила за собой ленточку коры, а на суке сверкнула ярко-белая влажная полоска.

Тинг вытянулся еще, упираясь ногами и подтягиваясь вперед.

Он качнулся... Наклонился... Все исчезло в пыли, и... Тинг почувствовал, что куда-то проваливается.

Он открыл глаза: перед ним стеной стояла пыль. Пощупал вокруг: земля, глина. Тинг лежал, скорчившись, не то в щели, не то в яме, полузасыпанный землей.

Он провел рукой по стенкам ямы, ища края. Привстал, уселся, пригнулся лицом к коленям и, посплюнув пальцы, принялся прочищать глаза от пыли.

Першило в горле, щекотало в носу. Он пробовал откашляться и не мог. Закрыв лицо руками и дышал, уткнувшись в ладони.

Пыль осела. Тинг увидел полуосыпавшиеся стенки какой-то ямы. Ноги тонули в сыпучей земле и комьях глины. Вверху — яркое пятно неба.

Тинг понял: навес обвалился, и он вместе с ним упал вниз.

Увязнув по колени в осыпавшейся земле, Тинг встал. Края ямы были высоко над головой, и рука до них не доставала. Он вытащил из осыпи ногу и поставил ее на ком глины, торчавший сбоку. Опираясь на ком, потащил другую ногу, но ком обвалился, и обе ноги снова ушли по колени в осыпь.

Тинг оглядел стенки: кое-где торчали плотные комья сохшейся глины. Он выворотил ком и опустил его к ногам: у ног появился мостик, а в стенке ямы — ступенька. Встав на ком, Тинг вдвинул носок в углубление.

Яма была узкая, и Тинг, раздвинув ноги, упирался ими в стенки. Он попробовал лезть кверху, но оборвался и свалился на дно.

Снова запершило в горле и зачекотало в носу. Снова ноги увязли в осыпи.

Тинг упрямо карабкался вверх, обрывался, падал и карабкался снова. Стенки ямы обваливались, от них отлетали большие комья. Яма становилась шире, а дно ее поднималось: осыпь на нем росла.

Тинг дотянулся до края ямы. Переставил ногу повыше, вытянул руку, вцепился пальцами в землю, приподнялся и выглянул из ямы.

Он увидел много неба и немножко глины, земли и камней. Яма оказалась лишь ямкой на дне глубокой расщелины.

Обвалив края, Тинг вылез из ямы. Пошел по дну расщелины туда, где виднелся просвет. Щель к концу стала совсем узкой, и он задевал ее стенки плечами. Боком протиснулся к выходу и выглянул: в двух шагах от него торчали ветки.

Он оказался у самого подножья обрыва, на краю обвала. Навеса больше не было, его заменили огромная рывина наверху и осыпь внизу. Рядом — стена из глины, изрезанная бороздами, неровная, в углублениях и дырах, словно губка. Внизу темнели глубокие впадины: ручьи, спускавшиеся сверху по бороздам, разливались здесь озерами. Вода ливней уносила песок, размывала внизу обрыв. Трещины и борозды превращались в глубокие расщелины и впадины.

Ворох лежал перед одной из впадин.

Тинг не успел осмотреться, как появились питеки. Один вылез из соседней впадины, из-за вороха ветвей

вдруг выглянул другой. Несколько детенышей закопошилось вдаль.

Оглядываясь и прислушиваясь, питеки подошли друг к другу. Они глядели вверх, на обвал, глядели на груды земли и комьев внизу. Они переглядывались, и гримасы на их лицах сменялись резко и внезапно. Один протянул руку, словно указывая на обвал, другой шевелил пальцами, хватая воздух.

Питеки насторожились. Тинг услышал стон: кто-то стонал совсем близко, у вороха.

Один из питеков подошел к вороху и нагнулся над ветками. Отошел, и оба замерли, прислушиваясь. Они вытянули шею, наклонили головы и слегка пригнулись. Их опущенные руки были согнуты в локтях. Прислушиваясь, они выглядели готовыми к прыжку.

Питеки уловили, откуда шел звук, и двинулись к краю осыпи.

Ворох мешал Тингу, но в просветы между ветками он увидел, как питеки нагнулись над большой земляной глыбой, лежащей близ вороха. Они потрогали глыбу, попробовали столкнуть ее. Стон раздавался все чаще и громче; теперь он звучал уже, как призыв.

Ощупав глыбу, питеки уперлись в нее руками. Тинг видел их согнутые спины и напряженные мышцы рук, видел, как передвинулись лопатки на спине, как выгнулся, выступая, позвоночник. Глыба шевельнулась...

Стонающий не мог сам вылезть из-под глыбы, а питеки не могли своротить глыбу: их сил хватало лишь на то, чтобы, наклоняя, приподнять ее сбоку.

Спины выпрямились, мышцы ослабли, и глыба качнулась, опускаясь. Лежащий под глыбой захрипел.

Один из питеков присел, а другой уперся в глыбу руками, стоя. Они снова напряглись, и глыба наклонилась. По движениям спины стоявшего на коленях питека Тинг понял, что он, упираясь одной рукой, опустил другую.

Раздался хриплый крик. Оба питека присели над кем-то, лежавшим на земле.

«Конечно, это придавленный питек!»

Тинг приподнялся на цыпочки, чтобы глянуть поверх вороха.

На земле лежал почти взрослый питек. Его глаза были закрыты, из оскаленного рта вытекала струйка слюны, смешанной с кровью. На бедре краснела огромная ссадина. Питек хрипло стонал, а пальцы его руки словно бежали — так быстро он перебирал ими, царапая землю.

Один из питеков отошел, другой присел возле раненого и глядел на него, шевеля вытянутыми губами и потирая ладонями свои колени. Потрогал голову, дотронулся до ссадины на бедре раненого. Тот дернул ногой, оскандился и приоткрыл глаза.

Прибежали детеныши и уселись, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями. Над ссадиной зажуужали зеленые мухи, и нога дергалась всякий раз, как на красном появлялась зеленая искорка.

Детеныш хлопнул по мухе. Раненый взвизгнул от боли, и эхом отозвался визг детеныша: питек отшвырнул его.

...Треск был резок и неожидан. Тинг вздрогнул.

Возле вороха стоял питек и ломал ветки. Всего несколько шагов отделяло его от щели, и Тинг слышал, как он отрывисто дышал, перегибая толстую ветку.

Он дергал ее, ухватив обеими руками. Весь ворох шевелился, ветки били питека по рукам, царапали грудь и лицо. Питек жмурился, морщился и, бросив оторванную ветку, хватал новую и снова дергал.

Подобрав ветки, он прижал их к груди. Ветки торчали во все стороны и ползли, как живые, из-под рук, лезли в глаза. Шагнув, питек уронил одну ветку, споткнулся о нее и уронил вторую. Бросил весь ворох, нагнулся, сгреб свою ношу и снова прижал к груди.

Питек бросил ворох у входа в пещерку и скрылся в ней, но сейчас же высунулся и утащил ветки к себе.

Тинг не мог разглядеть, что там делает питек.

«Ветви грубы для подстилки, — решил Тинг. — Может быть, он делает из них потолок?»

В пещере был пол и были стены, но вместо потолка зияла щель: пещерка вытягивалась вверх трубой.

Тинг пополз вокруг вороха, к обрыву сбоку пещеры и заглянул в нее.

Он успел разглядеть травяную подстилку и свисавшие сверху ветви. Между травой и ветвями ворочался питек.

— Гхааааа...

Рев оглушил Тинга. Он прыгнул к вороху и заметался, ища щель.

Щель исчезла...

Тинг не помнил, как снова очутился в чаще.

Плоские корни отходили от фикусов, как широкие доски. Прислонившись к такому корню, Тинг чувствовал себя спрятавшимся за ширмой. Пробегая мимо раскидистого

куста лапортеи¹, увешанного гирляндами бледнолиловых ягод, он задел рукой лист, и теперь мизинец мучительно жгло. Тинг прикладывал к нему землю, но боль не проходила.

— Проклятая яванская крапива, — бормотал Тинг, дун на палец и притопывая ногой: ему не стоялось от боли. Она была так сильна, что хотелось кричать, и он кричал бы, если бы не питеки.

В тесной путанице ветвей, среди листьев виднелись огромные плоды дуриана². Питек, сидя на толстом суку, держал плод на коленях. Он сдирал с него кожу, усеянную шипами, подковыривая ее пальцем. Два детеныша ерзали на соседней ветви, хватаясь за сучки.

Содрав с дуриана кусок кожи, питек запустил руку в плод, словно в горшок с густой сметаной. Выгреб из него белоснежную мякоть и широко раскрыл рот.

Он громко зачавкал и облизал ладонь. Съел всю мякоть и, выплевывая семечки, раздвинул колени: пустая кожа запрыгала по ветвям.

Плодов было много, и некоторые висели возле питека. Поглядев на них, он приподнялся и перелез выше. Осмотрел плоды и осторожно охватил ладонями один из них, кем-то слегка объеденный.

Тинг на миг забыл о мизинце, так поразил его выбор питека: конечно, объеденный плод был спелее других.

«Самые спелые груши — объеденные осами, — вспомнилось Тингу. — Но какая оса объела эту громадину?»

Детеныши перебрались на тот же сук и чмокали губами. Один тронул дуриан пальцем, укололся и сморщился. Дотронулся до плода снова. Он протягивал и отдергивал руку, как встретившая ежа кошка трогает его ланкой.

Питек протянул детенышам на ладони белую мякоть плода. Две руки малышей столкнулись над комом и вцепились одна в другую. Ком свалился. Детеныши подобрали остатки, толкая друг друга лбами: лизали сук, испачканный белой мякотью.

Они ели так, словно хотели съесть все плоды на этом дереве. Питек срывал дуриан за дурианом, и всякий раз к нему тянулись руки, а губы вытягивались и чмокали. Едва запустив руку в плод, он уже следил за детенышами, и только сердитое ворчанье позволяло ему донести белый ком до своего рта. Он отталкивал детенышей, но

¹ Лапортея — тропический кустарник со жгучими листьями.

² Дуриан — дерево, приносящее большие съедобные плоды.

те не унимались. Казалось, они совсем не боялись ворчания питека и, еще не успев проглотить, снова тянулись к нему.

Слюна наполнила рот Тинга. Он как будто ощущал вкус дурiana и его запах: смесь чеснока с тухлым яйцом. Запах, к которому он привык сразу, навсегда покоренный неповторимым вкусом этого плода.

Сорвав дурриан величиной с голову, питек не удержал его. Плод скользнул по суку и, сбивая листья, упал на землю. Держась рукой за сук, питек перегнулся, глядя вниз. Белая мякоть выползла из лопнувшей кожуры, и сейчас же около нее замелькали рыжие бабочки.

Питек полез вниз. Он спускался, цепко хватаясь за суки оттопыренным большим пальцем ноги. На последнем суку присел, озираясь и чего-то ища. Прилег, вытянулся вдоль сука и дотянулся до толстого стебля лианы, висевшего близ ствола. Подергал лиану и спустил ноги. Полез со ствола, держась одной рукой за лиану, другой обнимая ствол, а ногами цепляясь за кору.

Подойдя к лопнувшему дурриану, он сел, широко раздвинув вытянутые ноги и прислонившись к толстому стволу.

Детеныши быстро сползли с дерева по лиане, как по канату. Они опоздали: питек успел съесть дурриан. Поглядев на пустую кожуру и на питека, они сели рядом с ним, чмокая губами и облизываясь.

Едва сев, один из них поднялся: совсем близко пестрели ярко-оранжевые звездочки. Этими звездочками был утыкан ствол дерева. Они торчали на коре, словно приклеенные.

Тинг узнал подиалтею — дерево, цветы которого растут прямо из коры. Рыжие, черные и желтые бабочки стайкой кружились возле цветов, садились на них, взлетали, спугнутые осой, и снова садились.

Детеныш подкрался к дереву.

— Ху-ху-ху! — и ладонь хлопнула по цветку.

Спугнутые бабочки закружились у самой головы детеныша, но он не посмотрел на них. Пригнувшись к коре, он заглядывал под ладонь. Отнял руку от коры — и на землю упал потускневший желтый комок.

Новый удар ладонью — и опять оранжевая звездочка превратилась в бледный комочек.

Добыча не исчезала, она оставалась в руке, но так изменялась, что детеныш не узнавал ее.

Тинг ясно видел что-то вроде недоумения на лице де-

теныша, когда тот разжал ладонь. Поднятые брови и обиженно вытянутые губы, казалось, говорили: «Ничего не понимаю. Было одно, стало другое».

Детеныш сунул в рот раздавленный цветок и тотчас же выплюнул его. Повернулся и взмахнул рукой, ловя бабочку.

Пестро-зеленый комок упал с дерева, развернулся, и длинная древесная змея скользнула по земле. Детеныши замерли. Они глядели на пеструю зеленую полосу, не отводя от нее глаз, не двигаясь, даже не дыша. Рыжая бабочка, покружившись, села на голову детенышу — он не шевельнулся.

Змея уползла, а детеныши все еще смотрели на кустик, в котором исчезла зеленая полоска.

Тинг взглянул на питека. Тот стоял, прижавшись к стволу, и не сводил глаз с куста.

— Уйииии! Уйииии! Уйииии!..

Питек вздрогнул и обернулся на крик. Детеныши подбежали к нему — и снова все трое замерли. Они были неподвижны неподвижностью скрученной пружины, всегда готовой развернуться. Как и они, Тинг замер, как и они, был готов к прыжку. Сам не зная почему, он подражал их движениям.

— Уйииии! Уйииии!..

Между деревьями мелькнула фигура. Молодой питек метался от дерева к дереву. Он визжал и ревел, но его рев походил на вытье. В смертельном испуге он хватался за лианы и не мог взобраться вверх по качающимся стеблям. Хватался за стволы, но руки его срывались с коры, а до первых ветвей было далеко.

Было очевидно, что опасность близка: об этом говорил его испуг.

Тинг не заметил, как это случилось: на луговине вдруг оказалось много питеков. Они ревели, размахивали кулаками, били себя в грудь, выли, визжали.

— Гхаааа!.. — вдруг заревел один, взмахнув руками. — Гхаааа!..

Тинг чуть не упал от этого рева, раздавшего в нескольких шагах от него. Он машинально открыл рот, чтобы заорать диким голосом, но опомнился и прижал ладонь к губам.

Питек толкнул детенышей к лианам. Те уцепились за них — жалкие и дрожащие — и, обрываясь, полезли по ним вверх. Сжав кулаки и оскалив зубы, питек неуклюжими скачками побегал по луговине, и Тинг кинулся за

ним, больно ударившись о корни фикуса, похожие на доски.

Пятнистой тенью выпрыгнула из-за дерева пантера. Метнулась в новом прыжке...

Молодой питек круто повернул, не удержался на ногах и упал. Пантера перелетела через него. Питек на четвереньках уполз за куст.

Пантеру не испугали вой и крики. Готовая к новому прыжку, она прижалась к земле и била хвостом по траве. Она осматривалась, слегка поворачивая голову, и скалила зубы, прижав короткие уши к круглой голове.

Прыжок, второй... и взрослый питек отшатнулся: лапы пантеры царапнули землю в двух шагах от него.

Рев пантеры и рев питека слились, пятнистое тело поднялось, закрыв темное, и оба упали в траву.

Все смешалось. Метались питеки, катались по земле два тела — темное и пятнистое.

Питек схватил пантеру за горло и душил ее. Пантера царапала плечи и грудь питека передними лапами. Рвала ему живот резкими ударами задних лап.

...Тинг с револьвером в руке бегал вокруг. Остальные питеки куда-то исчезли.

Ему никак не удавалось подойти вплотную к пантере, а он хотел стрелять в упор: боялся ранить питека.

«Наконец!»

Тинг нажал спуск. Выстрела не было.

«Осечка?»

Он дергал спуск, но револьвер не стрелял.

Вскрикнув от злости, Тинг ударил пантеру рукояткой револьвера по голове...

Пантера чуть скребла лапами, питек лежал неподвижно. Его живот был изодран, и обрывки кишок смешивались с ключьями кожи. Лохмотья кожи висели на груди и плечах, кусок ребра белел на дне глубокой раны. Поперек шеи зияла рана, обнажившая гортань.

«Умер!»

Тинг выпрямился и оглянулся. Луговица была пуста.

И вдруг он вспомнил:

«Река... Раскопки... Дюбуа...»

Он здесь — полный череп питека! Больше — вся голова. Весь питек!

Тинг присел возле питека и погладил его по голове. Он не думал о том, как унесет питека, что будет с ним делать. Сидел возле него, гладил его по голове и радовался: «У меня есть питек». Радовался труп того, кого минуту назад бросился спасать.

Сердце остановилось: над головой раздался рев. Тинг поднял голову и увидел оскаленные зубы питеков.

— Это мое! — закричал он, падая на питека и прижимая его голову к своей груди.

Запах падали душил его, но он не выпускал из рук головы.

— Мое!

Яа и землекопы нашли Тинга в лесу.

Он лежал, уткнувшись лицом в землю, возле растоптанного цветка раффлезии¹, крепко прижимая к груди бутон величиной с капустный кочан. По нему ползали мухи, привлеченные запахом цветка — запахом падали. Левая рука Тинга была обожжена и покрыта волдырями. Куртка и брюки висели ключьями, и сквозь дыры сквозила исцарапанная кожа. Левого рукава совсем не было.

Сжимая бутон раффлезии, Тинг как будто очень крепко спал: его слабое дыхание было ровным и спокойным.

— Он жив! — весело закричал Яа землекопам, боявшимся подойти к лежавшему на земле Тингу.

Тинга перевернули на спину. Яа хотел взять у него из рук бутон. Ему пришлось вытаскивать его кусками: не-

¹ Раффлезия — паразитическое растение, живущее на корнях дикого винограда. На поверхности земли виден лишь цветок.

льзя было разжать судорожно сжатых пальцев, отвести прижатых к груди рук.

— Я знаю, — сказал Яа. — Теперь я знаю. Он ел желтые ягоды! От них человек становится безумным и бегаёт, бегаёт... Упадёт, полежит и опять бегаёт... Я поел однажды таких ягод. И я бегал по кампунгу туда и назад, туда и назад. Меня привязали к дереву, и я топотал ногами: они сами бежали... Я видел странные вещи тогда... Я летал на луну на большой птице...

— И ты прилетел на луну? — спросил один из землекопов.

— Да. Она была гладкая и блестящая, как начищенный таз. Там я тоже бегал... После я долго спал. И он теперь будет долго спать.

Землекопы срубили ветки и сделали носилки. Положили на них Тинга.

— Несите! — командовал Яа. — Несите! Я буду идти рядом и рассказывать, как я летал на луну и бегал по ней...

Тинг проспал двое суток.

— Наверное, он бегал больше меня, — сказал Яа. — Я спал только до второго заката.

Тинг так и не нашел питекантропа. Несколько обломков костей какого-то крупного ископаемого, не то носорога, не то бегемота, было все, что он добыл при своих раскопках. Он не наловил и орнитоптер. Зато молей он взял много: десятки коробок были набиты ровными слоями ваты с разложенными на ней молями. Десять тысяч молей!

«Эх, что я скажу Дюбуа? — в сотый раз подумал Тинг, когда берега Явы утонули в море. — Ничего, кроме сна и бреда. Скелет питекантропа... Я помирился бы теперь и на одном позвонке!»

Среди пассажиров оказался собиратель насекомых. Он возвращался в Европу после четырех лет скитаний по Новой Гвинее и той сотне островков, что пестрит карту к востоку от нее. У него было больше тысячи орнитоптер: от малайских зеленых «викторий» до новогвинейского красавца, сверкающего золотом хвостатого самца «шенбергии райской» и синих «урвиллий» с Бисмаркова архипелага. Собиратель торговал насекомыми, и Тинг купил у него полсотни орнитоптер.

«Восемь новых форм для моей коллекции! — радовался Тинг, запершись в каюте и разглядывая огромных бабочек, упакованных в бумажные конверты. — Он продал

мне две разновидности, еще никем не названные. Он и не знает, что они новые. — Тинг подмигнул самому себе и оглянулся на дверь. — Что ж! Экспедиция Зеленки привезла всего один зуб, а земли они перекопали горы. Мне и ползуба не полагается, — утешился он, пряча коробку с драгоценными орнитоптерами в чемодан. — А все-таки жаль, что нигде не купишь даже зуба питекантропа! — и он щелкнул замком.

— Конечно, вы ничего не нашли, — встретил его Дюбуа. — Я вижу это по вашему лицу. Да я и не ожидал другого: ведь это далеко не так просто, как вы думали. Поехал и нашел... Ха-ха-ха...

«Как, — подумал Тинг, — заранее знал, что я не найду питекантропа, и все же говорил: «ищите», учил, где и как искать. А теперь хохочет?»

Тинг скрыл обиду и начал было рассказывать о своих раскопках.

— Вы не нашли, — перебил его Дюбуа, — а я нашел. Здесь, у себя, в ящиках с костями яванских ископаемых. Я разбирал их и вдруг нашел пять обломков бедренных костей питекантропа. Правда, забавно? Они пролежали у меня около сорока лет, и я не знал об этом.

Тинг обиделся во второй раз. Еще бы! Он ничего не нашел на Яве, а тут находка у себя же дома.

— Зато я, — не утерпел он, — видел живых питекантропов. Живых! — И Тинг рассказал о своем бреду.

— Такой бред стоит бедренной кости питекантропа, — услышал он, когда кончил свой рассказ. — Для вас, конечно. Я предпочел бы ему самый плохой зуб.

Тинг обиделся в третий раз и ушел. Дома обиды сразу прошла: стояло лишь взглянуть на конверты с орнитоптерами и на приготовленные расправилки.

Прошел год, другой. Тинг успел расправить всех купленных на пароходе орнитоптер. Коробочки, в которых на ровных слоях ваты лежали тысячи молей, пустели одна за другой: наколотые на тончайшие булавки моли занимали свои места в полированных ящиках. Каждая моль, нежно зажатая узкими кончиками пинцета, напоминала Тингу о Яве. И с каждой новой молью эти воспоминания тускнели: Тингу казалось, что между ним и Явой все густеет и густеет туман, понемножку затягивающий лесные чащи, реку, песок отмелей, потные спины малайцев, ямы в ссохшемся иле наносов.

Дни шли. В ящике с особо ценными молями появилась

крохотная золотистая бабочка с длинными усиками. Под бабочкой была подколота этикетка с латинским названием «Ауротинеа Дюбуази», что означало: «Златомоль Дюбуа». В честь Дюбуа Тингом был назван новый род и вид молей. Описание его уже лежало в редакции научного журнала.

— Вот ваша моль, — сказал Тинг, входя в кабинет Дюбуа. — Моль Дюбуа! Посмотрите, как изящен рисунок на ее крыльях. Я сам поймал ее на Яве, и она самая красивая из привезенных мною молей.

— Моль? Да, очень миленькая, — взглянул на коробку Дюбуа. — А знаете, Тинг, что случилось на Яве за последние годы, после вашей поездки?

Обидеться Тинг не успел: ведь Дюбуа совсем не заинтересовался молью, носящей его имя, и даже не посмотрел на нее толком.

— Кенигсвальд!

Тинг впервые услышал это имя. Через минуту оно звенело в ушах, мелькало на стене. Тинг вспомнил день, когда он брел по лесу на Яве, проклиная обманувшую его синюю глину.

— В последние годы Кенигсвальд раскапывал наносы на Яве. Он рыл тут и там, и ему удалось добыть остатки нескольких питекантропов... Остатки черепа ребенка... Еще крышку черепа... Половину нижней челюсти...

Дюбуа рассказывал, Тинг слушал. Названия рек и селений сменяли названия слоев и громоздкие латинские имена ископаемых животных, найденных в этих слоях. Сколько всего добыл этот Кенигсвальд!

Еще одна находка: в руки землекопов попал хорошо сохранившийся череп. Они разбили его на куски, чтобы продать коллекционерам по частям.

— Вы слышите, Тинг? Они разбили его на куски! Думали, что, продавая куски, получают больше денег, чем за целый череп. Кенигсвальду удалось скупить почти все обломки. Ему на редкость повезло.

— Где это было? — спросил Тинг, вынимая трубку из рта.

— В районе Сангирена, в километре от Бапанга.

— Бапанг! Я был в четырех километрах от него. Всего три километра разницы!

— Дело не в километрах, — засмеялся Дюбуа.

— Почему же не я?.. — Тинг не заметил, что перевернул трубку и пепел сыплется ему на ботинок.

— Вы? Так ведь Кенигсвальд работал там несколько

лет, а не три месяца. И он... он не бегал по лесу за молями.

Тинг молча смотрел на кучку пепла на своем ботинке. «Откуда она взялась? Кенигсвальд добыл остатки питеков. Пусть я не сумел откопать их. Но купить... купить сумел бы и я... хотя бы один кусочек...»

Взглянув на трубку, смахнул платком пепел с ботинка и встал. Он был полон обидой. Его обидели все: Дюбуа, Кенигсвальд, землекопы, Бапанг, обманщики-питеки.

Держа перевернутую трубку в руке, Тинг вышел из кабинета Дюбуа. Синие полоски ковра напомнили ему синюю глину Явы.

Придя домой, Тинг вспомнил: коробка с молями осталась у Дюбуа.

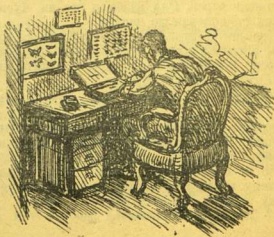
— Пусть...

Понюхал розовокаемчатую гвоздику — редкостной окраски цветок. Гвоздика пахла нагретым сухим илом.

Полузабытая Ява вернулась. Вот они, лесные чащи, грозди орхидей, прыгающие солнечные пятна на траве и стволах... Знойные отмели реки... Ямы, наполненные дождевой водой и комариными личинками... Голая верхушка вулкана... Лесистые холмы... Синие очки китайца...

Один за другим вспоминались обрывки бреда. Слононок на опушке... Шорох ящериц и гуденье ос на обрыве... Питеки среди бамбуков и веселой игры теней и солнца... Поляна... Детеныш, играющий с пряжкой ремня...

— Дюбуа говорил, что мой бред не стоит плохого зуба. Может быть! Но каждый день такого бреда не бывает. Я видел живого питека. И я рад, что мне пришлось пережить все это.

ОТ АВТОРА

ПИТЕКАНТРОПУС

«Много света будет пролито на происхождение человека и на его историю» — так написал Дарвин в самом конце своей книги «Происхождение видов» (1859).

Человек — не исключение: как и все другие животные, он произошел от более низко организованных предков. Из животных к человеку наиболее близки обезьяны, а из них — человекообразные обезьяны (гibbon, горилла, шимпанзе, оранг). Однако различия между обезьянами и человеком очень велики. Обезьяноподобный предок не мог сразу, одним «прыжком» сделаться человеком — был длинный ряд переходных форм. Эти переходные формы не живут теперь, они давно вымерли. Из таких переходов особенно интересна промежуточная форма: животное, совмещающее признаки и человека и обезьяны, «средняя форма» между человеком и обезьяной. Остатки этого промежуточного звена, то есть его кости, не только интересны для ученых, но и очень важны. Нужно доказать справедливость теории происхождения человека от обезьяноподобных предков, и наилучшее, бесспорное доказательство — остатки, скелет именно промежуточной формы.

Знаменитый ученый Геккель нарисовал в свое время родословное древо животного мира; в основании этого древа были помещены простейшие одноклеточные животные, вершина древа — человек. В родословной человека, конечно, оказался перерыв: перехода от обезьяноподобного предка к человеку наука того времени (последняя четверть XIX века) не знала. И вот Геккель поместил в родословной человека эту переходную форму, которой никто никогда не видел. Он назвал ее обезьяночеловеком, или

питекантропусом. Это название произошло от слов «питекус» — обезьяна и «антропос» — человек.

Обезьяночеловек Геккеля был только предположением, а науке нужны факты. Надо было найти недостающее звено родословной человека. Эта задача увлекла молодого голландца Эжена Дюбуа; еще студентом он мечтал о таком открытии. Став доцентом анатомии при Амстердамском университете, доктор Дюбуа не изменил мечтам своей юности. Он долго хлопотал и наконец добился своего: получил место военного врача в голландских колониях на Зондских островах. Дюбуа интересовали именно Зондские острова: Геккель предполагал, что обезьяночеловек был особенно близок к гibbonам, родина же современных гibbonов — Зондские острова.

В 1887 году Дюбуа приехал на Суматру и стал искать здесь остатки питекантропа. Его поиски были неудачны: на Суматре не удалось обнаружить древние геологические слои. Тогда Дюбуа перебрался на Яву и в 1890 году начал производить здесь раскопки. Прошло не больше года, и он нашел то, что искал, — нашел остатки обезьяночеловека.

Местечко Триниль, близ которого производил раскопки Дюбуа, находится неподалеку от вулкана Лаву-Кукузан. Здесь протекает река Бенгаван, или Соло, и здесь на глубине 15 метров Дюбуа обнаружил слой рыхлого туфового песчаника в 1 метр толщиной. Над ним лежали туфы и другие породы, под ним — сине-серая глина. Туфовый песчаник и был тем слоем, в котором сохранились остатки обезьяночеловека, жившего полмиллиона лет назад.

Дюбуа сделал несколько находок: он нашел два зуба — верхний правый зуб мудрости и второй левый верхний коренной зуб, левую бедренную кость и черепную крышку — «кальву». Годом раньше в 40 километрах от Триниля он нашел обломок нижней челюсти. Все это Дюбуа счел за остатки обезьяночеловека и описал под названием «питекантропус эректус» — обезьяночеловек прямоходящий. Название «прямоходящий» отмечало главнейшую особенность этого существа: оно ходило на двух ногах.

Производя свои раскопки, Дюбуа собрал множество костей животных — современников обезьяночеловека: у него оказалось около трехсот ящиков костей ископаемых. В 1895 году Дюбуа отправил свои коллекции в Европу, а вслед за ними уехал туда и сам. Много лет он занимался изучением черепной крышки питекантропа, и большую часть этого времени он потратил на очистку крышки. Крышка была заполнена плотной окаменелой массой, и

эту массу нужно было удалить, но так осторожно, чтобы не попортить крышки. Постепенно обрабатывая свои коллекции, Дюбуа нашел в ящиках с яванскими костями пять новых обломков бедренных костей питекантропа.

После отъезда Дюбуа поиски остатков обезьяночеловека на Яве продолжались: вначале раскопки производили помощники Дюбуа, а в 1906 году — экспедиция вдовы профессора Зеленки. Эта экспедиция работала почти два года; было вынуто около десяти тысяч кубических метров земли. Увы! Нового все эти поиски дали очень мало. Лишь один Дюбуа оказался счастливым: приехал и нашел. За следующие десять лет нашли всего один зуб.

Находки Дюбуа вызвали большие споры. Одни ученые соглашались с Дюбуа; другие уверяли, что найденные кости — остатки крупной ископаемой обезьяны; третьи доказывали, что череп обезьяний, а зубы и бедро — человеческие. Остатков обезьяночеловека было найдено очень мало, а потому и спорить было нетрудно.

Прошло еще двадцать лет, и вдруг добыли остатки нескольких питекантропов. Эти находки сделал голландский геолог Кенигсвальд, производивший раскопки на Яве в ряде местностей. В феврале 1936 года он нашел черепную крышку ребенка, а в конце того же года — почти полную правую половину нижней челюсти с четырьмя зубами.

В августе 1937 года Кенигсвальд добыл еще один череп. Этот череп попал в руки землекопов, и они разбили его на куски, чтобы продать коллекционерам по частям: землекопы думали, что так они выручат больше денег. Кенигсвальду удалось собрать почти все эти обломки и восстановить череп. У этого черепа, как и у всех других, не было ни основания, ни лицевой части. У него не было также правой половины затылочной кости, имелась лишь часть лобной кости, но зато хорошо сохранились височные кости; этих костей нет у черепа Дюбуа. Находка черепа с височной костью очень важна: в строении височной кости обезьян и человека есть резкие различия. Особенности строения височной кости черепа, добытого Кенигсвальдом, показали, что череп — человеческого типа. Защитники человеческой природы обезьяночеловека получили прекрасное доказательство своей правоты: нельзя называть питекантропа большой обезьяной, его височная кость — кость человеческая, а не обезьянья.

Кенигсвальд нашел остатки еще одного черепа в 1938 году: части теменных и затылочных костей.

Исследуя остатки ископаемых животных, найденных им при раскопках, Кенигсвальд смог выяснить прошлую историю животного мира Явы. Здесь последовательно сменялись три фауны, и третья из них — тринильская. Тринильская фауна — это фауна времен, когда в Триниле отложились те слои, в которых Дюбуа нашел остатки питекантропа. Ископаемые животные этих слоев — современники обезьяночеловека. Тринильские слои встречаются, понятно, не только около Триниля, они есть и в других местностях Явы, но все такие слои называются «тринильскими» по названию местности, в которой они были впервые обнаружены. Почти все свои находки Кенигсвальд сделал именно в тринильских слоях, но череп ребенка он нашел в отложениях, предшествовавших тринильским.

Животные тринильских слоев — животные первой четверти так называемого плейстоцена. В те времена по южной Европе бродили посороги и гигантские южные слоны, в реках плескались бегемоты, а свирепый хищник — саблезубый тигр махайрод — прыгал из-за кустов на первобытного зубра. Плейстоцен длился около миллиона лет. Питекантропы жили в его первой половине, то есть пятьсот тысяч — миллион лет назад. Следующей эпохой является современная, послеледниковая эпоха — голоцен, эпоха человека, длящаяся всего около двадцати пяти тысяч лет. Плейстоцен и голоцен вместе образуют четвертичный период. Начало этого периода — время питекантропа, конец его — время современного человека.

Строение бедренной кости показывает, что питекантроп ходил на двух ногах. Его руки были свободны, и он, несомненно, применял в качестве орудий палки, обломки суков, камни. Результаты изучения черепной крышки обезьяночеловека позволяют судить о его головном мозге: он был примерно в полтора раза больше мозга гориллы и в полтора раза меньше мозга современного человека.

Питекантроп ходил на двух ногах, а его мозг был средним по степени развития между мозгом гориллы и современного человека. Уже одного этого достаточно, чтобы считать его обезьяночеловеком, переходной формой, «недостающим звеном». Конечно, он не знал огня и, конечно, не говорил: говорящий, пусть и очень плохо, питекантроп не был бы обезьяночеловеком, он оказался бы — человеком.

Н. Плавильщиков

Пров. 1969

~~9786~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА РАБОЧЕЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Цена 2 р. 50 к.

150=

К.